

Последние дни Европы. Школьников, Чадаев, Уралов

Подкаст Алексея Чадаева, Семёна Уралова

Гость выпуска - геостратег [Андрей Школьников](#)

[Youtube](#)

[Rutube](#)

[Видео на тг-канале Семёна Уралова](#)

[Аудио на тг-канале Семёна Уралова](#)

[Аудио VK](#)

[Аудио ЧП-104 на podster.fm](#)

Дата выпуска: 1 октября 2026

Иван Князев. Дорогие друзья, всех приветствую. Вы смотрите подкаст «[Чистота понимания](#)». Напомню, что это площадка, где мы глубоко и подробно анализируем самые актуальные и острые темы и добиваемся чистоты понимания самых разных событий и явлений.

Это площадка для умных и образованных людей, поэтому я благодарю всех, кто смотрел наши предыдущие выпуски. Мы в [VK](#) есть, в [Рутубе](#), в [Ютубе](#). Ждем от вас лайк этому выпуску «Чистоты понимания». Это важно для нашего продвижения.

Меня зовут Иван Князев. Позвольте представить наших постоянных ведущих. [Алексея Чадаева](#).

Алексей Чадаев. Всем добра.

ИК. Политолога, журналиста. И [Семена Уралова](#).

Семен Уралов. На посту.

ИК. Политолога, журналиста и писателя. А в гостях у нас сегодня Андрей Школьников. Снова рады вас приветствовать. Геостратег.

Андрей Школьников. День добрый.

ИК. Здравствуйте. Сегодня хотелось бы поговорить о будущем Европы и не только. Мы все привыкли говорить о том, что сегодняшняя Европа, современная Европа, это некая постоянная величина. Но что, если через 10 лет такого политического субъекта, как Европа, уже не будет?

АЧ. Его и сейчас нет. Евросоюз есть.

ИК. Европейский союз, да. Спасибо, Алексей, что уточнил. В нынешнем виде Европейского союза не будет. Тогда с кем именно сегодня Россия конфликтует и с кем ей придется иметь

дело завтра? Это с одной стороны. Но еще хотелось бы разобраться не только в том плане, что Европа скоро рухнет, а что именно сегодня заканчивается в Европе, что может появиться на месте нынешнего Европейского союза и какое место в этом будущем занимает Россия.

Братцы, выкладывайте свои тезисы, свои карты.

АЧ. Я по традиции начну с провокации. В свое время меня очень впечатлила биография Александра Кожева, русского философа, изначально фамилия Кожевников, и по совместительству советника французского президента Валери Жискар д'Эстена и автора большинства основополагающих документов Евросоюза. Тогда он назывался Европейский союз угля и стали, когда только-только создавался.

Поскольку писал это все русский человек, да еще и на глазах которого происходило только что создание Союза Советского, он закладывал туда очень своеобразную рефлексия как раз опыта создания Советского Союза. То есть Европейский союз, как это видно отчасти из документов, создавался как некая антитеза советской модели интеграции.

Идея какая? Максимальная политическая независимость при максимальной же экономической интеграции. Единые стандарты, единый режим, небольшая компактная команда людей, которая за этими стандартами следит, — то, из чего потом вырос монстр под названием «брюссельская евробюрократия».

Идея такая — сохранение политической субъектности участников союза, их равноправие. Вне зависимости от размера, объема, причем населения, экономики, территории, неважно какого потенциала. При этом минимум наднационального регулирования и максимум горизонтального взаимодействия.

Даже символ Евросоюза — звездочки, которые обозначают равенство всех. Они все стоят в кругу, все на одинаковом удалении центра, которого, заметьте, нет. Изначально, кстати, в этом месте была голова мадонны, но потом из соображений политкорректности голову мадонны убрали. А сейчас уже точно совершенно она туда никаким образом не вернется.

ИК. Окей.

СУ. Я в [прошлой нашей беседе](#) обозначил точки, которые меня очень интересуют. Если ты, Алексей, с провокацией, то я с профдеформацией через когнитивную войну. Ведь идея европо-одержимости — это, в общем-то, то, что довлело в нашей политической культуре, наверное, 500 лет последних точно. И формирование государства, так или иначе, в конфликтах, в то же время и модернизация Петра, потом и советский проект был тоже очень европоцентричным. И в постсоветское время идея большой евроинтеграции овладела как массами, так и — мы помним лозунг «Европа от Лиссабона до Владивостока».

АЧ. Начальство говорило: «Евросоюз», народ говорил: «евроремонт».

СУ. Да, то есть, оно реально овладело. И в условиях... Закат Европы давно был анонсирован гражданином Шпенглером, что вакуум не может [оставаться вакуумом], он чем-то будет заполнен. Меня интересует, что приходит на смену европоцентризму. А второе — это постсоветское пространство наше, которое было так или иначе тоже европоцентрично, кто-то меньше, кто-то больше.

Там много еще есть иллюзий, которые сохраняются. Это мы как-то вошли в конфликт с Европой и самоопределяемся. А даже наши ближайшие союзники, тот же Казахстан продолжает играть в эти игры, не говоря про Закавказье, там тоже эта идея провозглашается.

Та же Армения отыгрывает.

То есть, у нас разнотрековое движение. Мы как-то отползаем от этого, а там это еще остается мейнстримом. Поэтому эти две плоскости моей профдеформации, мне бы хотелось, чтобы мы тоже сегодня поразбирали.

ИК. Классно, поехали.

АШ. Смотрите, коллеги, вы замечательно сказали: «оставаясь в рамках европоцентризма». И один, и второй. Полностью. Для того, чтобы нам говорить о выходе из европоцентризма, нам хотя бы надо понять, где это находится. И мы сейчас на все это смотрим, не понимая, что это есть. Мы находимся в точке очень серьезного мирового перелома.

Заканчивается 500 лет, когда Европа была в авангарде развития. Все. 500 лет капиталистического расширения, научно-технического прогресса, который является частью капиталистического расширения. Доминирование Европы во всех направлениях уходит. Причем Европы в широком смысле — европейской цивилизации, культуры.

У нас все общественные науки построены в рамках последних 500 лет. Откройте практически любой учебник, он начинается с буржуазных промышленных революций. Экономика, социология, политология — мы все оттуда вытягиваем. Да, перевод, экзегеза Аристотеля и Платона, причем двойная экзегеза — сначала в христианство, потом из христианства в модерн и уход от него. И все.

А теперь давайте смотреть, что есть Европа современная. На самом деле до конца средневековья Европа — это большой отсталый кусок Евразии, восточного полушария, который присвоило себе то, что они наследники Рима. Реальным наследником Рима была Римейская империя, Византия. Римейская империя — это, по сути, средневековый вариант Рима. Это его продолжение.

Да, они в какой-то момент ушли от латыни, ведь там кроме Далмации никаких провинций не было, которые говорят по латыни, да, еще что-то. Собственно говоря, история Византии — это не эти моменты: мы изучаем историю, были темные века, потом начинает появляться средневековые, крестовые походы, и вот начинают писать. Нет, друзья, все интересное было там. Римская империя продолжала существовать.

Дальше была борьба, была Персия, появились арабы, приходили тюрки, монголы, вот там вся была жизнь средневековья основная. Средневековые были там. Была иранское интермеццо. И только потом начала где-то появляться Европа.

Как выглядят европейские произведения искусства? До XV века без слез смотреть нельзя. Утрехтская псалтирь, друзья, это уровень средней школы, что-то такое нарисовали. А в это время откройте византийские псалтири, красивейшие. Они есть в Третьяковке. Как это прописано, уровень художественный.

Начинается возрождение — и начинается переоткрытие того, что было ранее. И мы смотрим на все происходящее из этой Европы. Нам, чтобы понять, что Европа уходит, нужно понять историю, как она глубока. Что это было одно из влияний, которое выстрелило. Да, за счет капиталистического расширения. Да, за счет экспансии. За счет того, что сделали ставку на технологию и разорвали единство пространства.

До конца средневековья религия, философия, ремесло, искусство, наука были едины, они были синкретически едины. А потом пошла специализация. Мы сейчас находимся в периоде, когда

вот этот вот ускоренный бустер закончился. Он уходит. Европа — это же одна из европейских цивилизаций. Вот одна из европейских цивилизаций сейчас умирает. Западноевропейская, атлантическая.

На самом деле сейчас в мире три живые европейские цивилизации, которые существуют, которые вышли из Европы. Первая, самая известная, западноевропейская. Это католическая романоязычная, плюс германская протестантская основа и французский антиклерикализм. Вот три переплетенных.

Есть вторая цивилизация европейская, восточноевропейская. Сейчас она называется «русский мир». Как она становилась? До этого это была часть Византии, это переход был русский, это было православное, вот эта линия.

А есть третья – Латинская Америка. Классическая европейская цивилизация, вышедшая из южноевропейской романоязычной Европы до того, как она была отравлена протестантизмом и французской антиклерикальной мыслью.

ИК. Справедливо.

АШ. И это все... Когда мы говорим, что Европа уходит... Где Европа, какая? Одна из ветвей, которая выродилась, которая по сути утратила корни. Что такое европейская цивилизация? Три камня базовых у всех троих.

Первое – это Рим, город-воин. Рим — это не та похабщина из сериалов, которые нам показывают. Про разврат, про Нерона, и дальше пошло. Это закат. Рим 8 столетий воевал непрерывно. Он накатывался, его разбивали, легионы разбивали. Он создавал, набирал новое и шел, и шел. Были войны больше столетий. Рим никогда не останавливался. Он воевал.

Посмотрите, как выглядит римский скульптурный портрет времен Республики, времен ранней Империи — там воины. И какой он становится после? Появляются мечтательные, изнеженные мыслители. Но это уже последние. Это уже даже не Юлий Флавий, то есть оно только начинается, это после начинается.

АЧ. Так-то еще и Траян до Персии дошел.

АШ. Они все доходили.

АЧ. И Адриан валы строил.

АШ. Правильно. Благие императоры были последние, которые, собственно говоря, нарастили границы. Они перестали воевать, но запала пассионарности Рима хватало, чтобы к нему не ходили. Когда к ним первый раз приходили варвары, они были рады — сотни тысяч рабов пришли сами. Вот как это было, и что было потом. Первый столп европейской культуры, цивилизации, основа — Рим, город-воин.

Второй – греческая эстетика, во всем ее великолепии. Как происходило ее развитие: как от курсов и кор перешли... IV-V век до н. э., когда появляются Поликлет и Пракситель.

АЧ. Сюда же и философия сразу.

АШ. Нет, гармония, эстетика. Философия ушла. Философия была переломлена третьим моментом, это христианство. Но эстетика осталась греческая. Дальше пришло христианство. В том виде, в каком оно было изначально. Теперь смотрим на современную западную Европу. Что

из трех столпов там осталось?

АЧ. Повоевать они по-прежнему, вроде бы как.

АШ. Нет. Это все равно, что боевые содомиты начинают бросаться на чего-то с визгами и воплями.

АЧ. В Фивах были о-го-го какие боевые содомиты. Александр Македонский их еле-еле победил.

АШ. Мы говорим не про исторические полуанекдоты и соответствующий пиар. Мы говорим как оно есть. Город-воин забыли.

СУ. Он не сместился в Вашингтон, этот город-воин?

АШ. Нет. 70-80 лет назад, вспоминаем как это было, когда вся Европа воевала. Когда каждая нация была боевая. Когда был свой ВПК, был боевой дух. Да, они были сломлены двумя мировыми войнами. И потом — холодная война, уже Европа перестала быть [воином]. Но дух города-воина ушел. Если прадедам показать их правнуков, которые в Европе ничего не могут сделать с мигрантами, которых они просто загнали под шконку в свое время, захватив весь мир, и даже не в голове не укладывалось, что вот это приехавшее может что-то делать. Вот он, воин-город.

Где эстетика греческая? Открываем начало — я сейчас не про концептуализм, не про поп-арт, не про все это убожество постмодернистское — нет, открываем то безобразие, которое было во Франции, в Париже, открытие Олимпиады.

АЧ. Ну да, бородатая синяя женщина.

АЧ. Эстетики нет. Про религию, про христианство можно даже не вспоминать. Ни одного из трех столпов нет. Разрушены основные камни, фундамент, о чем мы говорим? Что-то построено на их основе?

ИК. С одной стороны, логично. А с другой стороны, Андрей, не принимаем ли мы кризис за конец системы? Вот я сейчас немножко вас попровоцирую.

Вы несколько лет назад давали прогнозы и достаточно жесткие временные рамки по Европе. 2024-2027 годы фигурировали как период ослабления европейских институтов. Смотрите, что с тех пор произошло. Снижения роли США и НАТО вроде пока не видим. НАТО к сентябрю нынешнего года расширилось. Финляндия вступила, Швеция вступила 32-м членом. ЕС по-прежнему 27 стран объединяет. Может быть, все-таки поправка какая-то нужна?

АШ. Нет. Даже близко нет.

ИК. Может это просто кризис?

АШ. Нет. Кризис — это когда не ломаются базовые основные элементы, но меняются второстепенные. И кризис можно переждать. Когда ломаются базовые основы, это называется катастрофа. Когда меняется вся основа, это называется крах. То, что мы сейчас наблюдаем в Европе, то, что мы видим, это слом базовых.

Когда в свое время делал прогнозы... Любые прогнозы делаются по неприятелю, по самому жесткому, самому сложному варианту из возможных, вероятность которых больше 5%, мы выбираем самый неприятный для нас и идем по нему. Самый неприятный для нас был быстрый

обрыв. Нам было очень сложно приспособиться.

Это был вариант Великой депрессии. И в 2020 году мы на него заходили, перед самым ковидом. Собственно, ковид запускали, ломая сценарий Великой депрессии. Вспомните, как тогда несколько недель рынки сыпались, каждый день была остановка, по 4-5%. Это был четкий сценарий Великой депрессии. Но за счет переноса проблем из экономики полностью в общественную сферу, за счет запуска этой «чудной» пандемии, они сломали сценарий и начали загонять общество более жестко.

И время поплыло. Стало дольше. Мы пошли по более длительным, продолжительным моментам. Но базовые-то причины никуда не делись.

АЧ. Можно сказать, это хорошо тогда получилось.

АШ. Для нас это хорошо. Нам не нужно было мобилизовывать полностью все общество. Мы смогли пройти частично аккуратно.

По НАТО. Посмотрите, что делает Трамп. Большие системы не ломаются сразу, это очень тяжело. Их надо раскачивать. Их надо приводить в состояние, когда они перестают функционировать. Что он сделал? Он заявил: дорогие друзья по НАТО, приходите помогайте в Персидский залив. Никто не пришел.

АЧ. Кстати, невозможная ситуация для любой предыдущей американской... Будь то Ирак, будь то Югославия.

ИК. Конечно.

АЧ. Да, невозможная ситуация.

АШ. Конечно. Да, они куда-то вступили. Но Америка планирует уйти из Европы. Она это прямым текстом заявляет. Они сейчас активно делают основу для ухода. Нельзя уйти просто так. Если вы десятилетиями, поколениями были вместе, и вам нужно разорвать отношения, вы начинаете готовить почву, создавать условия. Трамп их создал. «Вы нам не помогаете?» — он выставил требования. 3,5%, 5%, да сколько угодно процентов, их нельзя выполнить в тех условиях. И он начинает нагнетать. И в какой-то момент это будет из серии «вы сами не помогаете нам, почему мы должны за вас гибнуть?»

АЧ. Так, прошу прощения, но у них же как минимум осталось одно общее дело, которое их объединяет, это как раз-таки поддержка Украины.

АШ. Обратите внимание, как за полтора года изменилась позиция США. США — Америка при Трампе, то что наделал Байден — входило основным [составляющим], мы говорили: идет противостояние Запада/США с Россией. Сейчас Запад/Европа. Трампа нету, Америки нету. Америка Украине, киевскому режиму толком уже не помогает.

Они просто создали ситуацию, когда они ничего не должны. Все проблемы переложили на Европу, которая сдуру это все согласилась взять на себя. И их нет. Они уже пытаются мирить. Да, они продают оружие втридорога Европе, чтобы она дала его Киеву, но сами уже не поставляют. И сейчас Европа начинает еще требовать деньги. То есть их нету в этой ситуации.

ИК. Но здесь поправка. В Америке президентов избирают на 4 года. Условно, придет новый Байден и все вернется.

АШ. В Америке есть чудная тенденция — элита работает по консенсусу. Если наша элита строится по принципу, я вам рассказывал в прошлый раз, что это стая, идущая за вожаком, двор на двор, улица на улицу, школа на школу, с детства эти паттерны. То там это порядка 8 примерно, чуть меньше тысяч человек, которые вместе учились, работали, прошли одни и те же колледжи, институты, есть круг. Каждый может встретиться с каждым, они заочно знакомы практически все.

И выбирается решение — *лучший из* называется, нужно быть *первым из*, но не иерархия. Есть некий консенсус. Вот этот консенсус и выбирает.

ИК. Он достигнут?

АШ. Конечно, достигнут.

Изначально они... Вспомните, была такая ситуация, замечательное Соглашение о торговле услугами. 2014 год. Транстихоокеанское, Трансатлантическое партнерство. Они были заключены. И они были сломаны. Кто их сломал? Обама. В последний год президентства. Не Трамп.

Американские элиты поняли, что запускать это — это потерять США, и не рискнули. И запустили Трампа, антикризисника. Трамп всю жизнь занимался антикризисным управлением. Он брал полуживой актив...

АЧ. Профессиональный банкрот.

АШ. Он или его вытягивал, или банкротил. Поэтому эти банкротства никакого отношения не имеют. Это его профессия. Это не показатель. Он всю жизнь занимался. Его поставили. Он начал делать, испугались и остановили его. Поменяли политику. Поставили Байдена. Под что его поставили? Инклюзивный капитализм, борьба с глобальным потеплением, ковид, ультралиберальная [политика].

В конце 2021 года стало понятно, что тема не работает. Это был G20 в Риме и экологический шабаш в Глазго. Все. В январе 2022 года вышла книга Клауса Шваба, которая говорит, что глобализм на 30 лет становится на паузу, «у нас не получилось». 2022 год, январь, до начала СВО. Следующие два года они жили в позиции: давайте разобьем Россию, получим ее ресурсы, протянем и будем думать. Ничего не придумали. И они поставили Трампа.

Трамп сейчас творит не потому, что ему это нравится, и Америке плохо, хорошо, потому что он это делает. Нет, его поставили делать ровно то, что он делает. Был консенсус элит, ему дали полный карт-бланш на все это. Весь этот шум информационный, рассказы — проголосуйте, проголосуйте, наплевать. У него есть программа. У него была ситуация — или ты садишься, или ты идешь и работаешь по своему профилю. Он выбрал работать по своему профилю. И дед отжигает.

Я в 80 лет хочу так любить жизнь, так радоваться, все придумывать, это здорово. Он живет этим. Как он феерично ломает глобальную систему! Не только Персидский залив, фондовые рынки, еще много чего. Он везде — точно. Попробуйте эту большую дуру сломать. Он бьет точно, отвлекая внимание. Когда мы потом будем разбирать, как это все рушилось, у нас будет ощущение ровно такое же как когда падал Советский Союз. Как можно было такую глыбу уронить? Это будет такое же.

АЧ. ОПЕК он уже уронил.

АШ. Он все роняет, он вышибает все. Но делает ровно то, что нужно. Он спасает Америку отцов-основателей. Америку как государство. Америку, которая замкнется западным полушарием — плюс Австралия — выкинув оттуда всех, устроив хаос в восточном полушарии, чтобы они не мешали им возродить Америку. Там есть разные сюжеты.

СУ. А разве это не есть наследие Рима? Я сейчас хочу на уровне схемы. Изначально было три Европы: западноевропейская, восточноевропейская и Латинская Америка, которая отпочковалась от южной Европы. Правильно? США в этой схеме является расширением западноевропейской. Правильно?

АШ. Да.

СУ. Тогда в этой логике просто завершается большое XX столетие и, собственно, Римом становится окончательно Вашингтон.

АШ. Они будут себя ставить от Рим. Посмотрите, как Трамп идет — обратите внимание — к эстетике римской. Эта чудная арка! Я жду барельефов этой арки. Это вариант арки Тита. Там только не хватает меноры, [которую несут] побежденные, для своего «Тита». В Риме это арка, посвященная иудейской войне, разрушению храма, когда выносили [святыни]. Был забавный момент, когда для поддержки Израиля в Риме освещали именно эту арку в цвета израильского флага. Это такой стёб. И там меноры видно подсвеченные, трофей, вывезенный из Иерусалима.

И он это тянет. Эстетика Рима.

СУ. Андрей, так вот смотрите. Я с этим тезисом согласен. Но тогда это значит, что не закат Европы, а просто перемещение Рима в новое место. У старого Рима было точно так же. Он сначала переместился в Равенну, как мы помним, кризис был. Потом в Аахен, в Новое время.

АШ. Не совсем так. Там был Диоклетиан, была тетрархия, разделение на четыре части. Соответственно, мы – Рим. Я, например, считаю, что выборы в Риме должны идти по следующей схеме. Цезарь, когда становится августом, сам выбирает себе цезаря, правит определенное время, как было — 20 лет Диоклетиан, можно побольше — и уходит заниматься своими делами, сажать капусту.

ИК. Прекрасно.

АШ. Ну мы же Третий Рим.

СУ. Давайте все-таки мы разберемся, это закат Европы или откат на другие позиции.

АШ. Освальд Шпенглер говорил с точки зрения Западной Европы. Он был европоцентричен. Мы должны выйти за пределы европоцентризма, посмотрев на цивилизацию, на куст цивилизации, и понять, что это не закат, это другая Европа. Перерождение. Да, то, что остается в Европе, это вырожденцы. Это гибель. Это все. Это та ветка, которая сгнила.

СУ. Периферия. Это становится периферией.

АШ. Не просто периферией. Становится место, как... Все время была Венеция одним из центров капитала в Европе, в мире. XIII век, XIV век, там, понятно, была Генуя, была Флоренция, были северные города, до этого чуть-чуть раньше тамплиеры были, которые сюда ушли. Эволюция финансового центра, который потом собрался.

АЧ. Короче, Венеция еще пару веков была памятником самой себе, уже давным-давно перестав

быть центром финансового мира.

АШ. Оттуда уехали все в Нидерланды испанские, там окопались, потом перебрались в Лондон. Дальше часть из них перебралась за океан. Сейчас есть город Венеция. Какое он отношение имеет к тем финансистам, которые были? Да никакого.

АЧ. Музей под открытым небом.

АШ. В свое время центром вообще-то европейской цивилизации было все Средиземное море, округа его. Египет был центром. Посмотрите на фаюмский портрет. Собственно говоря, многие элементы западноевропейской культуры, вообще европейской культуры, это Египет в чистейшем виде.

АЧ. Включая, собственно, Цезаря.

АШ. Там много чего. Но за счет того, что климат менялся, жить там стало неприятно, мы сместились на север. Не потому, что Египет перестал [быть центром]. Кому он теперь нужен? Влажность упала, на 2-3 сотни миллиметров осадков в год стало меньше. Все, ребята, живите там сами. Вот они там и живут. На таком уровне, что ни индустрии, ничего сделать нельзя. Это неприемлемые условия.

Нормальные условия для жизни — это умеренный пояс. Максимум чуть более теплый. Субтропики. Но не то безобразие, не сухие субтропики, которые есть там. Не тропики.

АЧ. Там-то уже зона пустыни.

АШ. Но если у вас половина дня сиеста и жара, то работать нельзя. Своя специфика. Все, забыли. Но раньше это было центром. Все, ушли.

Та Европа, которая сейчас есть... Для развития, для восстановления цивилизации нужно три базовых элемента на долгий срок, долговременно, на поколения. Первое – это естественные производительные силы, по Вернадскому. Природные ресурсы, вода, энергетика. Раньше это были породы скота, сельскохозяйственные культуры. В общем, все то, что мы берем бесплатно изначально у природы, за счет труда превращаем в товар и продукт. Смотрим – Маркс «Капитал», теорию стоимости.

АЧ. Здесь уместно вспомнить Паршева с его «Почему Россия не Америка». Типа холодно у нас было.

АШ. Естественные производительные силы. Оно по-разному раскрывается.

Второй элемент. Технологии. Технологии необходимы, чтобы эти естественные производительные силы превратить в товар, в продукт, который для потребления. Собственный. Если у вас есть замечательные... В мире производством урана занимаются стран 8-9. Добыча урана идет. По цене электроэнергии, вырабатываемой атомной станцией, рынок урана в мире порядка 10 миллиардов долларов всего. Руда. Стоимость электроэнергии, вырабатываемой на атомных станциях, полтриллиона.

Ну, у вас есть сырье, пожалуйста. Но почему-то не получается у тех, у кого оно есть, у Казахстана или Нигера, или даже Австралии превращать этот уран, который у них добывают, во что-то адекватное. Это высокие технологии. Вот, ребята. У вас есть природные ресурсы? Есть. Но они не ваши, потому что у вас нет технологий превратить их во что-то приемлемое.

И третий элемент – пассионарность. Та самая творческая потенциальная энергия творения. Что-то из этого есть у Европы на долгий срок.

АЧ. Нет.

СУ. Почему нет технологий, объясните мне, каких у них нет технологий?

АЧ. Кстати да, с технологиями там засада. Для меня очень значимый звоночек был, когда умерла Nokia, умер Ericsson и вообще умерли все европейские техи, просто потому что они, условно говоря, не в том месте. Вся цифровая революция, по сути, прошла мимо Европы. И сейчас даже в России цифра развита гораздо лучше, чем в Германии, Франции, Британии и где угодно.

АШ. Есть у Европы Microsoft, Google, Amazon?

АЧ. Даже Яндекс нет.

АШ. Бигтех. Ничего нет. У них доходы от IT местных меньше, чем штрафы, которые накладывают на бигтех на территории Европы.

СУ. Почему, я не понимаю. Мы методологически определили, как я понял, что центр Европы большой сместился в Штаты окончательно.

АШ. И забывает про это все, что было раньше.

СУ. А почему забывает? Это просто другой принцип управления.

АШ. А что с этим всем делать?

СУ. Что-то становится провинцией время от времени. Когда-то центром развития Руси — мы говорим, что у нас есть восточноевропейская цивилизация — был Великий Новгород. Там были основные технологии, основные ресурсы. Потом центр развития сместился чуть восточнее.

ИК. Семен, вопрос тут – центр не бросит ли эту периферию? Нужна ли она ему?

АШ. Римская империя в очередной раздел — раздел на запад и юг для Рима-то был ерундой, они и на четыре части делились при Диоклетиане, тетрархия — Рим сместился на восток, перенес центр, оставив запад, там еще сколько-то времени были эти варварские королевства, которые ориентировались на Константинополь, который их курировал. Когда начинают рассказы, что средневековая Европа не знала...

АЧ. Да, есть такое, Одоакр же инсигнии отослал как раз-таки именно в Константинополь.

АШ. Потому что это была общая территория. С точки зрения Константинополя, то бишь ромеев, это римляне просто грекоговорящие стали. Ну да, какие-то дикие провинции, оккупированные, заселены сейчас какими-то варварами, которые пытаются там что-то делать, ну и черт с ними. Какая разница.

То есть для Рима, до Карла Великого буквально, это все были просто какие-то провинции, живущие сами по себе, с которых нечего взять, они нам неинтересны. Да, Юстиниан, собственно говоря, завоеваниями вернул часть, начал пытаться возродить, красивые храмы.

АЧ. Только пол-Италии, и то с трудом.

АШ. Юстиниан — и кусок вплоть до Испании, и север Африки, он хорошо прошелся. Собственно говоря, и Равенна. Когда мы начинаем смотреть, что у них там есть, базилики.

АЧ. Все равно это юг. Это все равно Средиземноморье и побережье.

АШ. Так там кто жил? Там жили римляне.

АЧ. А вот Рим эпохи Адриана, там уже не было ничего. Там действительно уже были какие-то непонятные германоязычные, кельтоязычные варвары.

АШ. Они замечательно перебрались уже как раз на восток, где была жизнь, где было развитие. И, собственно, без юстиниановой чумы... Объективно, то, что мы называем сейчас Грецией, Египтом, все эти эллинизированные территории, вплоть до Персии... Они эллинизированы были, они постепенно становились единым пространством. Это были бы условные греки, ромеи. Даже не греки, а ромеи.

АЧ. Они и были, да. Собственно говоря, эллинизм, это же не просто так. Это целое культурное явление, где вся верхушка, города были эллинизированы. А какое отношение имеют эти крестьяне, не умеющие ни читать, ни писать, которые все равно учат [язык], приходя сюда. И север Италии был продолжением той же Греции. Причем он был продолжением Греции десятилетия. Начиная с греческих колоний они там и были. И племена там были в срединном пространстве.

Мы можем рассуждать, кто были этруски по происхождению, но Этрурия во многом копировала Грецию. Да, у нее был храм в Аяччо, канон уже называется тосканский. А небольшой модификации дорического ордера, это оттуда бралось.

АЧ. Понятно, что это была культура периферии.

АШ. Это было единое эллинизированное пространство.

АЧ. Хотя, с другой стороны, тогда и Архимед, и Пифагор же — местные.

АШ. Среди культурологов есть вопрос вообще, можем ли мы говорить — это реальный спор до сих пор — можем ли мы говорить о римском искусстве отдельно.

АЧ. От греческого, да.

АШ. Просто отдельно. Или это часть. Или они просто развили, расширили.

СУ. Так давайте эту же идею опрокинем в текущую реальность. Можем ли мы говорить о западноевропейской цивилизации в отрыве от североамериканской?

АШ. Это является ее продолжением. Собственно говоря, и западная Европа, и Северная Америка были одним культурно-цивилизационным пространством. Сейчас Европа умирает. Северная Америка пытается не умереть. И вот тут начинается очень интересная развилка.

АЧ. Кстати, хорошая метафора. Действительно процесс похож на то, что случилось с большим Римом примерно между Диоклетианом и Юстинианом. Что я имею в виду. Центр развития сместился в тот момент из Рима в новый Рим, мы сейчас говорим Константинополь, но на самом деле новый Рим. Соответственно, вся жизнь и пульс ушёл туда. А тот Рим, старый Рим, ещё какое-то время существовал, но потом набежали всякие, так сказать, и превратили его, извините, в помойку.

Если поставить на место Византии нынешние США, а на место Западной Европы — Западную Европу...

АШ. Я даже скажу больше.

ИК. Эмигрантов, которые прибежали и начинают все...

АЧ. Да! Варвары прорвались за лимесы, я это увидел в Сеуте на кадрах.

АШ. Мы даже можем сделать более красивую аналогию. Вспомнить, начиная с Андрея Боголюбского, и что дальше было с Киевом. Владимиро-Суздальское княжество.

АЧ. Кстати, точно. Так же похоже.

АШ. Это нормальный сюжет. Теперь только проблема в том, что, во-первых, мы понимаем, что не было Константина Великого, как это было между Диоклетианом и Юстинианом.

АЧ. Константин и сделал, да.

АШ. Имеется в виду роль его значимости, не только его политические...

АЧ. Для меня Константин – это просто ученик Диоклетиана, который довел до конца замыслы.

АШ. Там шире, глубже и, если смотреть по разным направлениям, там много чего интересного есть. На самом деле, мы не знаем ромейскую, византийскую [историю], основное большинство не знает. Не поленились, найдите, есть замечательные различные лекции и по культуре Византии, Ромейской империи и по истории. Просто посмотрите, чтобы не было этого искажения, времен четвертого крестового похода – «все начинается оттуда». Нет, друзья, там, собственно, все заканчивалось. Все самое интересное было в начале. Как это происходило, как были выборы римских императоров...

АЧ. Меня-то не надо агитировать.

АШ. Это понятно, зрителям просто. Как были выборы римских императоров на ипподроме, ромейских императоров.

Интересно, что сейчас США как часть западной европейской социализации стоит перед очень жестким выбором. Поскольку там есть рядом еще одна европейская цивилизация – латиносы. И теперь у них вопрос, у них просто развилка. Если сейчас они пытаются сохранить Америку отцов-основателей, как она была, англосаксонскую, белую, в традиции...

АЧ. Значит, надо мочить латиносов.

АШ. Они должны прижимать латиносов, держать, но они обязаны держать все западное полушарие. И в рамках инерционного сценария то геополитическое пространство начинает сжиматься, и лет через 10-15, грубо говоря, от образования этого панрегиона, он будет очень слабый, латиносы начнут поглощать культурно-цивилизационно, и это пространство умрет.

АЧ. Это объясняет и Венесуэлу, и Кубу.

АШ. Конечно. Это пространство WASP'ов умрет и станет большой Иберо-Америкой, метагосударством.

АЧ. То есть в условном Вашингтоне он же, пожалуйста, Мехико, будет сидеть усатый

латиноамериканский диктатор, который будет править всем от Канады до Аргентины...

АШ. Не-не-не, не так. Там будет метагосударство. Мы в прошлый раз говорили по этому поводу, вспоминаем идеи мексиканской народной крестьянской революции, вспоминаем Троцкого.

АЧ. Ну, конечно, да-да-да. Субкоманданте Маркос, вот это все.

АШ. Да. А есть другой вариант. Если они сейчас поймут это и просто возьмут и объединят элиты, англосаксонские элиты и элиты Латинской Америки в единое пространство и сделают единую цивилизацию... Приравняют в западном полушарии и латиносов, и WASP'ов в одно культурное пространство, загонят легко. Объединяем цивилизации...

АЧ. То есть Марко Рубио?

АШ. Да. И выстраиваем, как это было на уровне Советского Союза. Есть центр, полупериферия, периферия, и начинаем подтягивать периферию. Начинаем выравнивать. Начинаем о равенстве. Другая культура.

АЧ. То есть вырастить такого же усатого диктатора из условного Марка Рубио и его клонов. Латинос, но при этом очень сильно американизированный.

ИК. WASP-латинос, короче.

АЧ. Да, WASP-латинос.

АШ. И это будет создание новой цивилизации. Европейской.

АЧ. Но в любом случае это уже не про Западную Европу.

АШ. Текущая Западная Европа — мы говорили — три основания, три камня в фундаменте разрушены. Трамп как раз пытается остановить их.

ИК. Андрей, а помимо этих трех камней, давайте более предметно разберем некоторые моменты экономики, все-таки нынешний ЕС. Политическую элиту.

АЧ. Иван, правильно. Андрей выдвинул про три камня, но давайте вспомним, что все-таки главный поинт, на котором настаивал Запад и по сей день настаивает, хотя и этот момент тоже теряется, это как раз-таки экономика.

Big Seven — последний, самый новый институт коллективного Запада по управлению миром. Последняя попытка — это Большая Семерка, которая, кстати, какое-то время была Большой Восьмеркой в эпоху, когда туда при Ельцине еще включили Россию. На самом деле это было «семь с половиной», потому что министра финансов на заседание министров финансов Большой Восьмерки не брали.

АШ. Младший офицер ФРС не может сидеть в присутствии старших по званию.

АЧ. Да. Они что говорят? Что мы есть экономика, наша есть мировая валюта, главное платежное средство, мы производим основную долю мирового ВВП — хотя сейчас это уже не так, спасибо Китаю — мы контролируем всю логистику мировую. И это на наших глазах ломается: Ормуз, Баб-эль-Мандебский пролив, следом Малаккский пойдет. Но всё равно.

Пункт, на котором базировалась эта вера, что несмотря ни на какое загнивание загнивающего Запада, он всё ещё ого-го и всем покажет, это было как раз их экономическое господство. Даже не технологическое. Технологии — это такое, это типа есть лишние деньги, можно нанять умников, посадить их в лабораториях, и они там что-нибудь изобретут, а мы это потом опять-таки с X100 продадим всем остальным варварам, по всему глобусу.

Вот с экономикой-то что случилось?

ИК. С моделью.

АЧ. Да, с моделью.

СУ. Я тогда добавлю в эту реконструкцию очень важный штрих. Я считаю, что экономический рынок Европы, как мы его считаем, был обеспечен допингом исключительно краха советской системы. Ведь если мы посмотрим, 60-е и 70-е годы в Европе — очень бедно, это и в массовой культуре отражено.

АЧ. Уж извини, Семён, но экономический рынок Европы был обеспечен советской системой самой ещё до её краха. Когда трубу протянули из Уренгоя.

СУ. Я говорю, именно допинг.

АЧ. Вот это был допинг.

СУ. Нет, тогда это была какая-то взаимная интеграция, мы получали какие-то технологии в обмен на эту нефть.

АЧ. Да ничего мы не получали. Мы получили трубы ржавые.

СУ. Ну как? Автомобилестроение наше.

ИК. «Ладу».

СУ. Много всего было.

АШ. Смотрим длинные большие тренды. Для глобального мира характерны периоды доминирования разных войн. Три базовых типа: война за пространство, война за потоки, война за умы. И они меняются. Я далек от того, чтобы выстраивать какие-то четкие циклы, до года считать. Но это просто есть, плюс-минус. У нас был период в начале XX века. Начало Первой мировой войны, Второй мировой войны, когда доминировала сила, классическая вооруженная сила в мире.

Следующий был период – холодная война. Это была война за умы. Не экономика, соревнование двух систем.

АЧ. Согласен, да.

АШ. После падения Советского Союза...

АЧ. Вот тут началась экономика.

АШ. Мир Рах Economisana. Только экономика. Вся конкуренция в мире сводилась к экономическим принципам. Она закончилась. Что начинается в следующие лет 30? Доминирование, война за пространство.

АЧ. Грубая военная сила.

АШ. Да. Ближайшие лет 30.

АЧ. Прекрасно.

АШ. Потом, соответственно, вторая половина XXI века, опять будет война за умы, это будет мир империй, мир смыслов, мир войны за смыслы, но это будет вторая половина XXI века. Мы только вошли в противостояние. 30-летний минимум. Ближайшие 10-15 лет большие страны будут выяснять, кто из них кто, как они будут делить вокруг себя территории, потом они будут заниматься наведением порядка.

ИК. Это, кстати, очень интересный вопрос.

СУ. Так наши бледнолицые братья не скрывают. У них поэтому 2050 год отсечен как начало именно когнитивной войны, то есть войны за умы.

АШ. Чуть позже.

СУ. Они так условно обозначили. Они четко описывают.

АШ. Где-то 60-е годы.

СУ. После 2050 года. Доминирование той самой когнитивной войны, то есть войны за умы.

АШ. Не когнитивной. Это упрощенно. Я исхожу из понятия ментальной войны, более широкого, у которой три уровня. Тактический, операционный, стратегический. Тактический – информационная война. Операционный – когнитивные операции, видно, оно в названии «когнитивные операции». Стратегический уровень, психоисторический.

СУ. Мировоззренческий.

АШ. Психоистория, да.

СУ. Я к чему? Нельзя сказать, что они это не оценивают. Наоборот. Я просто погружён в доклады их научных центров, сейчас у них в Гааге самые ключевые. Если говорить про Европу, я не про Штаты. Это основной доминирующий нарратив их интеллектуалов, обсуждающих, что военно они зависят от США, но в Европе должны готовиться к той самой — у них термин — «когнитивной войне». Там включается и мировоззренческий уровень, и PSYOP, информационно-психологические операции, это разлагается.

Да, они четко это фиксируют, что они как военная сила ничтожны, зависят от США, они смирились уже с этим, европейцы.

АШ. Я о том, что США уходят и им наплевать на то, кто от них зависит. Боливар не выдержит двоих.

АЧ. Это да. Как они сейчас швырнули просто Саудовскую Аравию, бедную.

АЧ. Какая идет загонная охота. Как красиво они приучают мир к уменьшению нефтегаза. Зажимают и Китай, и Европу. И они бросят их. Европу сейчас бросят. Еще раз, это не Трамп развлекается. Это выбор американских элит.

АЧ. Да. Приготовьтесь к тому, что углеводородов больше не будет. И это говорит не Путин

нехороший, который пытается Европу блокировать от энергоресурсов, а это говорит Вашингтонский обком. Он им говорит: всё, ребята, забудьте, не будет у вас больше нефти и газа.

СУ. Он же им говорил и во времена холодной войны то же самое.

АЧ. Ничего подобного. Прямо противоположное он им говорил.

СУ. Бóльшая была зависимость от США во время холодной войны. Их просто общий враг объединял. Западные европейцы возомнили себя игроками только после разрушения Советского Союза. У них появилось пространство колонизации в Восточной Европе.

АШ. Сколько раз Франция выходила из НАТО и возвращалась? Как это все происходило?

СУ. Сколько? Она всегда возвращалась.

АШ. Потому что география все-таки как приговор, но они пытались. Плюс вспомним 2003 год. По поводу независимости. Это уже постсоветский период, 2003 год. Почему агрессия США и Британии против Ирака не получила мандата ООН? Кто был против? Какие из членов Совета Безопасности были против? Их было три основных. Россия, Франция и Германия как непостоянный член. Париж, Берлин, Москва. Вот оттуда вылезло.

АЧ. О, это я очень хорошо помню.

АШ. Именно после этого меняли и Шрёдера, и Миттерана, поставив Саркози.

АЧ. Не Миттерана, Ширака.

АШ. Ширака, да. Поставили Саркози.

АЧ. Я это видел своими глазами. Вот прям своими глазами. 2003 год, трёхсотлетие Петербурга. Сидят Путин, Ширак и Шрёдер.

АШ. Мы предложили им сделать второй центр европейской цивилизации. Мы говорили, мы хотим стать тоже европейцами. Мы Европа, мы как вы. Но давайте будет американский центр европейской цивилизации и европейский. Вот — три. И мы до 2014 года эту программу вели.

АЧ. Кстати, эти оба-то были согласны, но их перемололи внутри своих собственных стран. И того, и другого.

АШ. Америка, да-да.

АЧ. Причем Шрёдера, мы помним, одним образом, а вот Саркози вообще не понял, что произошло. Это история почти на [историю] Зеленского похожая. Саркози, пришедший на деньги Каддафи, который потом сам же устроил весь этот ливийский позор.

АШ. На фоне того убожества, что сейчас руководит европейскими странами.

АЧ. Саркози геостратег.

АШ. Тогда это просто титаны были. По сравнению с этими карликами.

АЧ. «Титан», кстати, написал смешную книжку, я ее с удовольствием прочитал, про свое пребывание во французской тюрьме. Недавно вышел и рассказал. Сейчас он уже старенький,

он рассказывает о том, как оно ему теперь.

АШ. Как он заходил в камеру.

АЧ. Да, да, да.

ИК. Я бы не хотел бросать экономику.

СУ. Тут важное. Давай про этот тезис. Про ось Париж-Берлин-Москва.

Это была наша партия, в которую начал играть еще Горбачев. На чем была разрядка основана?

АЧ. Давай — еще Брежнев.

СУ. Горбачёв уже прям политически, под это границы снимали.

АЧ. Не надо, подожди, Семён. Брежнев политически. Я ж тебе говорю, эта дружба с ФРГ внезапная, вопреки всем тогдашним раскладам...

ИК. «Дорогой Вилли».

АЧ. Да, да, да, «Дорогой Вилли», фильм-то был недавно.

СУ. Брежнев границ не ликвидировал и гарнизоны не выводил, что очень важно.

АЧ. Трубы уже он строил в Европу. И тем самым закладывал основу для будущего бурного промышленного успеха.

СУ. Ну тогда давай еще до Петра I назад откатим, кто закладывал.

АШ. Была у Семена реплика по поводу того, за счет чего жила Европа и прочее, давайте немножко туда сместимся и вернемся к экономике. Последние десятилетия Европа жила за счет двух важных моментов. Германия жила за счет российских энергоносителей, российских технологий и вывозимых отсюда мозгов. Это были инженеры Восточной Германии плюс немцы советские. Дальше это была молодежь российская с других территорий, более-менее ценные инженерные кадры и дешевые ресурсы. Франция жила за счет ресурсов бесплатных Западной Африки. Естественные производительные силы и технологии. Вот это было. И это выбито сейчас.

Все, что есть у Европы... Почему Европа до сих пор не упала, это очень просто. Возьмите топ-50 крупнейших европейских компаний, включая Британию. Посмотрите этот рейтинг чудный. Их выручка эквивалентна примерно 40% ВВП Европы. Эквивалентна, понятно, что она по разным юрисдикциям раскидывается еще. То есть, по сути, штаб-квартиры сидят здесь еще. Из этих компаний половина сдохнет в условиях общемирового кризиса. Просто катастрофа, умрет. Еще четверть как-то будет жить. Оставшиеся — может, [будут наблюдаться] хоть какие-то моменты выживания. Более-менее. Это будет падать.

Сейчас Трамп объявляет, что – офисы, будьте добры, выводите, и это все начинает сыпаться. Ну и Maersk в Дании сидит. Ну кому она нужна в Дании, переводите ее в Штаты. И вся инфраструктура, связанная со сферой услуг, начинаетдохнуть.

АЧ. Я сейчас вижу, как производства уезжают. Прям высокотехнологичные производства.

АШ. Это было и раньше. Если мы посмотрим объем промышленного производства... Не ВВП

накручиваем из сферы услуг, поскольку в сфере услуг можно 10 раз прокрутить одну и ту же денежку, и она увеличится. Она не убирается как двойной учет. Сфера услуг замечательно мультиплицирует все что угодно. База любой экономики — это производственный персонал. Доходы производственного персонала. А вот сфера услуг — накрутка. Иждивенцы — накрутка.

У них сейчас сжата производственная основа, держится сфера услуг на воздухе, на том, что к ним приходят деньги как к части глобального золотого миллиарда, пока еще. И как только транснациональные корпорации начинают уходить или рушатся, это все схлопывается окончательно. Вот экономика Европы сейчас.

Экономика Британии — что такое? Это есть Лондонский Сити, и вокруг него сфера услуг, которая его обслуживает. А Лондонский Сити живет за счет того, что осталась еще британская колониальная система: страхование, движение судов, офшоры. От всего, что неинтересно было Америке в глобальном мире, осталась британская система, которая по копейке, по центу со всего этого собирает и как-то живет.

Сейчас это все начинает схлопываться. И все эти капиталы начнут рушиться.

ИК. А почему схлопывается-то?

АШ. Потому что мы выходим оттуда. Все оттуда выходят.

АЧ. По разным причинам.

АШ. Кому нужна эта система офшоров, которая прозрачна? Panama Papers вспоминаем.

АЧ. Ну да, деньги любят тишину. А сейчас даже Швейцария уже больше не тихая гавань.

Получается, глобальная система американско-британская действительно была удобна среди прочего тем, что гарантировала, по сути, всем участникам безопасность и анонимность. Сейчас она не гарантирует ни того, ни другого. Безопасность — мы видим, что в заливе происходит, а анонимность — мы сейчас видим, до какой степени... Они сами ее во многом разрушили, начав использование...

АШ. Они сознательно ее разрушили, это ровно то, что делает Трамп. Ломая глобальную систему, ломая почву, спасая все, что можно. Он понимает, что или он сейчас обрубает сухие ветви... Большой концерн, большой, громадный.

АЧ. В этой логике получается, что вся эта затея с Гренландией — это не ради каких-то там редкоземов, а чисто ради того, чтобы вбить клин...

АШ. Северный морской путь. Его аналог — западная ситуация. Что сейчас происходит, к разговору о беспилотниках. Есть такая вещь, как беспилотные катера. Сложность этой штуки не очень большая, с точки зрения инженерии, себестоимости, производства. Сколько сотен километров от берега становится под удар, когда через несколько лет это все расползется по всему миру, будет роздано всяким инсургентам, повстанцам.

АЧ. Это я знаю точно.

АШ. Мы понимаем, о чем речь. Вся эта морская торговля, которая была свободная, идущая по морю, закрывается.

ИК. Начнется пиратство XXI века.

АШ. Не пиратство, терроризм. Технологии упрощаются. Даже на нажатие кнопки.

У нас закрываются традиционные морские пути.

АЧ. Ну да, я сказал — Ормузский, Баб-эль-Мандебский, Малаккский.

АШ. Все побережье, вдоль Африки все. Юго-Восточная Азия, вообще все закрывается. Вы всегда найдете там каких-нибудь, которые всяко нажмут на кнопку и отправят.

СУ. Это именно отморозки, если говорить по сути.

АЧ. Там жарко, там отморозков сложно найти.

АШ. Что у нас остается для транспортировки? Трансконтинентальные сухопутные магистрали. Транссиб, Север-Юг, Россия – Иран — Индия, Россия – Иран — Африка. Обращаю внимание, 30-е годы. Кто там сейчас чего о себе думает, это никого не интересует.

Плюс остается единственное пространство, водная артерия, по которой можно плавать и где нет никаких инсургентов. Северный морской путь. А с другой стороны — да, он более сложный — вокруг Америки. А что нужно, чтобы вокруг Америки плавать? Север Канады и Гренландия. Что нужно Трампу? Ну, он еще Исландию хочет.

Что нужно нам еще, чтобы нормально плавать? Перекрываем Берингов пролив, чтобы никакой урод там не плавал. Стратегический объект, мост, туннель, неважно. По соображениям безопасности — вы приплыли с той стороны, как-то доплыли, но два месяца постоите во льдах, подождите. Мы вас пропустим, второй раз вы не поплывете.

И да, нам нужен арктический консорциум в 2030-е годы с Соединенными Штатами. Было бы неплохо. О чем там Дмитриев договаривается? Что мы обсуждаем? Не текущие вопросы. У нас много таких интересных вопросов в 2030-2040-е годы с США.

Вопрос редкоземов. У нас все посмеялись, что – вот, кто только ни делает редкоземы. Друзья, редкоземельные металлы — это немножко другие технологии. То, что делает Китай, это, грубо говоря, технологии 1970-х годов, объем, масса, вытуженные, вылизанные, но не больше. У России есть шикарные технологии. Есть Челябинск «Маяк», есть Красноярск и прочие. Технологии те же самые, что у радиационных, только радиации нет.

АЧ. Я когда начал разбираться с лантаноидной группой...

АШ. Ее отделять очень сложно.

АЧ. Да, да, да. Дидим, потом неодим, празеодим. Я что обнаружил? Да, 80% — Китай. Но, если взять сам Китай, 80% — это одно месторождение во Внутренней Монголии. И остальные — 3%, 5%.

АШ. Редкоземельных материалов в мире полно. Сейчас года два, и добыча их будет в разных местах, запускаются объекты. Беда в переработке.

АЧ. Да, я понимаю. Я понимаю, история не в том, чтобы их добывать. История как раз в многоступенчатом обогащении.

АШ. Единственный, у кого есть современные технологии переработки, не массовые, вредные, ядовитые, которые делает Китай, а нормальные, это Россия. Челябинск с «Маяком», там это, в

Красноярске. Там группы по химии и физике очень близкие. Только они работают с радиационными, ставите такое же предприятие...

АЧ. Я так понял, даже если старые отвалы переработать, там этих лантаноидов...

АШ. Да, много. В хвостах их очень много. Беда в том, что у нас есть технологии их очистки на более высоком уровне, чем есть в Китае. Без демпинга. И это тоже разговор с США.

Когда тут смеются, «чем мы можем помочь, ха-ха-ха», — ребят, мы можем стать тем же самым, чем с ураном являемся. Да, вы добывать его можете, но вы с этой смолой, в итоге, и за созданием таблеток, сборок, придете к нам. Потому что нет у вас своего. А тут еще хуже.

У кого есть переработка ядерного топлива на высоком уровне? Ни у кого. МОКС-топливо. Это оно. Это те же самые технологии. Это упрощенный вариант.

АЧ. У нас как раз есть.

АШ. Я про остальной мир. Мы — само собой. Если у нас МОКС-топливо производится, у нас термоядерные циклы делают, малые реакторы, БРЕСТ. Ребят, эти технологии в упрощенном варианте, и редкоземы закрываются. И таких вещей, когда мы начинаем смотреть не в текущем моменте...

АЧ. Ну да, горизонт 20-30 лет.

АШ. Да

АЧ. И в эти 20-30 лет как раз мы с американцами друг другу оказываемся очень сильно нужны.

АШ. Плюс мы практически не пересекаемся. С точки зрения американцев мы адекватные и договороспособные. Мы это доказывали в последние годы. Мы не отбитые на голову, готовые [на все] ради эмоций. Нет, мы сказали и сделали. Терпели.

ИК. Почему тогда американцы, если им выгодно с нами вести дела, если мы такие договороспособные, почему они тогда по-прежнему проект «Украина» еще каким-то образом поддерживают?

АШ. Во-первых, для того, чтобы вести дела в логике 10, 20 и далее лет, необходима глубина стратегического понимания, которое у США нет. Мы сейчас говорим о трендах, к которым, мы видим, они еще не пришли.

Во-вторых, когда мы начнем на стол накладывать, какие у нас есть вопросы с Соединенными Штатами, начиная с вопроса, как мы будем поддерживать Китай, когда они сцепятся с США, а к этому идут, ломать. Мы будем поддерживать их больше, или так как они нас, или меньше?

Что будет с Израилем в 2030-е годы? [Представим] эту картину — США уходят. Кто спасет Израиль в 2030-е годы? А это очень дорого стоит, за это можно много чего попросить для американцев. Что будет с Европой? Как мы будем — не вот так, границу по карте, а границу по времени. Арктика, редкоземы....

ИК. Понятно. Почему это не начать делать сейчас?

АШ. Вот мы эти все вопросы разложили, а тут еще где-то Украина лежит. Вы будете снимать мелкую козырную карту, когда расклад еще не сформирован. Для них это мелкая козырная

карта, на которой можно много чего сделать, попытаться. А мы не считаем ее чем-то сверхценным чтобы за нее отдавать очень много.

С точки зрения глобальных процессов она уже мелкая. Она уже не выйдет на уровень более высокий. Да, для каждого отдельного человека, участвующего, это трагедия. Для общества в целом...

АЧ. Давай я попробую.

Что точно можно зафиксировать сейчас. Украина совершенно точно не смогла стать фактором разрушения России.

Это есть факт. Дальше какой-то итог противостояния будет зафиксирован, но то, что с помощью этого рычага, ломика не удалось, как рассчитывали, нас обнулить и превратить в объект, как это модно говорят дамочки, объективировать. Объективировать нас с помощью этой штуки не удалось, это можно зафиксировать.

ИК. При этом кусают больно.

АЧ. В этом смысле война выиграна. Именно и только в этом.

СУ. Ох, я тут выдвину... Но давай заверши, не про Украину.

АШ. Тут я соглашусь с точки зрения глобальных больших процессов.

АЧ. Да, в этой оптике.

СУ. А я добавлю тогда в эту оптику то, что я не согласен, потому что нам готовят несколько новых украин. Действительно, сама Украина...

АШ. Будут взрывать и Среднюю Азию, и много еще чего будет, но это будет другой расклад. Это будет у других игроков.

АЧ. Семен прав. Он что говорит? Он говорит, что именно Украина как Украина «не шмогла». Но кто сказал, что нельзя попробовать то же самое еще — вот тут, вот тут, вот тут?

СУ. Чтобы количество перешло в качество.

АЧ. Ну да. А давайте мы попробуем поджечь периметр вот так.

АШ. Надо было это одновременно, когда мы были растянуты на растяжке.

АЧ. Попытались в январе 2022-го в Казахстане.

АШ. Да, но год для восстановления сетевых структур, загонять туда исламистов, которых в свое время из Сирии перетащили на север Афганистана, пару тысяч просто перенесли, об этом даже у нас разведка говорила... Вот их возвращать обратно домой, а они местные, уйгуры, казахи, узбеки и далее. Вот они, исламисты, приходят, у них каков процент мечетей салафитских в Средней Азии? Каков процент салафитов? Их братья приходят. И это все начинает пылать. Какая там армия? Сколько десятков тысяч человек в этих армиях? За кого они пойдут? Там просто это все рассыпаться начнет. Там нечего. Они не запустили, не смогли. И это ружье, пороховой погреб. В этом пороховом погребе спичку бросить — в любой момент.

Мы должны готовиться.

И то, что это оттягивается, нам это в такой плюс! Когда у нас заканчивается история с бывшей Украиной, у нас начинается история с Средней Азией. Потому что это место, которое... Взорвать Среднюю Азию — это проблема России, Китая, Ирану сразу. Легко. Там все для этого готово.

АЧ. Это да.

СУ. Плюс не забываем, параллельно к Средней Азии, для чего, с моей точки зрения, строится этот TRIPP, Зангезурский коридор. Как раз для переброски.

АШ. С Закавказьем все веселее. В Закавказье долгое время Армения сдерживала все попытки запад-восток. Просто вот держала. А потом произошел чудный момент. В 2008 году мы взяли Южную Осетию. Откройте физическую карту Закавказья, посмотрите, как там выглядит она. Там территория — нормальный коридор сделать, Грузия, Азербайджан, по высотам посмотрите — все, что ниже 500 метров, все, что через Армению, это все равно, что вдоль Краснодарского края строить дорогу. Какие сложности, цены и прочее будут, что по ней можно возить, как это все будет, сколько это лет нужно.

А теперь появляется анклав Южной Осетии, просто с другой стороны хребта, который нависает над этими всеми дорогами, над Тбилиси и прочим.

АЧ. Там всего один тоннель.

АШ. Он и строится, и создается, и это возможность ударить. При необходимости, при возможности. А теперь мы понимаем, что вдруг в какой-то момент времени, после трех вурдалаков — Саакашвили, Шеварднадзе, Гамсахурдиа, в обратном порядке — в Грузии вдруг проснулось самосознание.

АЧ. О да.

АШ. Они вдруг поняли, куда их тянут. На самом деле у Грузии есть очень интересная черта. Когда читаешь их историю, у меня несколько раз складывалось впечатление... Начиналось с Георгия Саакадзе, «Великий Моурави», что грузины умудряются долго терпеть, ждать ситуации, когда вот плохо-плохо, начинается, намекается перелом, и вместо того, чтобы еще чуть-чуть подождать и тихо зайти, они вдруг начинают бороться, доказывая сами себе, что они чего-то стоят.

Та же история Саакадзе. Чуть-чуть надо было подождать, и Россия подходила уже, уже было влияние. Но они подняли восстание. Каждый раз вспоминаем варшавское восстание в Польше. Вот оно, грузины каждый раз вот так. Они доказывают сами себе, что они не просто так. И в принципе их за это стоит уважать. И они опять делают то же самое. Вот такой исторический сюжет.

Поэтому при наличии Грузии, при понимании, что строить, плюс при понимании, что изначально, когда Запад-Восток, этот путь был нужен для Китая и Европы. Сейчас никакой Китай ни в какую Европу ничего возить не будет. Эта дорога ниоткуда в никуда. Через Армению и Азербайджан, это дорога из ниоткуда в никуда. Китаю она не нужна. В Европе она не нужна. Между Турцией и Средней Азией. Ребята, вы что там возить будете? Перекинуть бармалеев и оружие?

АЧ. Один раз.

АШ. Самолетами грузовыми, перекинули заранее, перевезли, разместили, все это есть, официальные закупки, склады сдали и — не надо.

ИК. Андрей, я тоже прошу прощения, тут сразу несколько закладок себе делаю. Во-первых, почему не нужна? Рынок сбыта европейский для Китая все равно еще важен.

АШ. Они, во-первых, их выкидывают, ограничивают. Плюс, для понимания — что Европа может дать Китаю? Забирать кучу ширпотреба?

ИК. Да.

АШ. Но это ненадолго. Они прекрасно понимают, у Европы ничего нет. Европе нечем расплачиваться. Что сейчас есть у Европы? По факторам среднесрочным, которые лет на 20-30. Мы говорили до этого — три фактора долгосрочные, на поколения. Среднесрочные. Что есть? Факторы субъектности. Армия, ВПК, боевой дух.

АЧ. Все плохо.

АШ. Ноль. Комплексные числа.

ИК. Ну, подождите. Как — нет армии?

АШ. Комплексные числа.

АЧ. Нету.

АШ. Это не армия.

АЧ. Половина из них трансгендеры. Лучшая армия в Европе сейчас польская.

АШ. Которая — сколько? 144 или 146 тысяч?

АЧ. Типа того.

АШ. Делим, убираем из нее не боевой персонал, а приписанный, бухгалтеров, водителей и далее по списку сокращаем. Понимаем, что самые пассионарные уже погибли на территории бывшей Украины.

АЧ. Получается примерно треть от нынешних ВСУ.

ИК. Армия Польши?

АЧ. Да.

АШ. Меньше. Сильно меньше. Я все время считал по аналогии с Францией. Получалось, что Европа именно боеспособных войск могла выставить теоретически где-то в районе 230 тысяч, условно. Половина из них никогда не выйдет за территорию своих стран, в рамках политики. И сколько это будет продолжаться?

СУ. Так у них же концепция ландскнехтами воевать. Сейчас Украина — это их ландскнехты.

АШ. ВСУшники замечательны будут в качестве жандармерии. Для наведения внутреннего порядка. Но еще раз полезть туда — нет. Это не части, которые будут. Их будут сейчас забирать.

Сейчас очень активно будут забирать этих всех ребят в виде именно внутренних войск в Европу, чтобы хотя бы с мигрантами порядок навести. Потому что начинается: урезаете социалку профессиональным иждивенцам — сотни тысяч идут по улицам, снося все, впереди женщины и дети, сзади мужчины.

АЧ. Кстати, нормальная история, украинский полицаи...

АШ. Замечательно будет стрелять.

АЧ. Прекрасно будет стрелять.

АШ. Но в окопы он не пойдет больше.

СУ. Реестровое казачество для чего Речи Посполитой было нужно.

АШ. Причем учтите, это будут в основном ТЦКшники, которые будут стрелять, по этим они будут стрелять, но в окопы не полезут. Те, которые боевые, разбегутся.

СУ. Почему они разбегутся? Контракт им предложат, как Французский легион иностранный.

АШ. Очень ограниченно, понимая как, не каждый из них на это полезет. А вот ТЦКшники, как эсэсовцы и полицаи после войны, все туда побегут. В первых рядах.

СУ. Я с этим не спорю.

АШ. И они воевать не будут. Плюс офицеры, кстати, кадровые, которые более-менее приемлемые там еще есть, они побегут в Латинскую Америку, к картелям и прочему, передавая боевой опыт. Потому что в Европе они не востребованы.

АЧ. А также в Африке.

СУ. Я за Африкой наблюдаю. Там уже видно, пошел отток. Почему они в Европе не [будут востребованы]?

АШ. В Латинской Америке будет проще. У них уже контакты налажены с этими ребятами.

АЧ. Как учит нас — между прочим, все считают, что это сказал Наполеон III, а на самом-то деле это сказал маршал Тривульцио еще аж Людовику XIII — для войны нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги. Вот денег своих Европа не печатает.

АШ. Идем дальше. Денег у Европы, давайте назовем вещи своими именами, нет. По причине того, что в долг ей больше уже никто не дает, на евро, а своего производства и экономики нет.

АЧ. Как нет? Оно есть, но это разговор в горизонте лет 15-20.

АШ. Нет. Для того, чтобы производить, производству нужна технология. Инженерная школа уничтожена. С кем общаешься, разговариваешь, говорят: по сравнению с тем как, мы помним, она была до санкций, до всех этих ограничений... Сейчас привозят, называется немецкое качество, мы говорим: это что?

АЧ. Это видит даже обычный наш обыватель, когда сравнивает те мерседесы, которые он купил сейчас, с теми мерседесами, которые он покупал 20 лет назад.

ИК. Потому что их в Китае покупают.

АШ. Технологий нет.

СУ. Да все одноразовое.

АШ. Пятый технологический уклад, микроэлектроника, там отсутствует. Четвертый технологический уклад — машиностроение, нефтепереработка, газохимия, умирает.

АЧ. Есть.

АШ. Все, что у Европы хорошего осталось, реально цельное, не отданное, не проданное, не вывезенное теми же китайцами, это высокая очистка фармацевтики.

АЧ. Нет, не только.

АШ. Ну кто?

СУ. Авиастроение. Аэробусы – лидеры гражданского авиастроения.

АШ. Нет. Авиастроение – нет. Кооперацию США посмотрите. Там, когда произошла ситуация, и США сказали, мы не будем производить боинги, все начали смеяться. Сейчас Китай будет покупать аэробусы. Вы уровень кооперации в США аэробуса посмотрите, там США по щелчку все перекрывают. Они завязаны, они в едином производственном комплексе. Но у США ядро, а это периферия.

СУ. С этим я не спорю. Но погодите, станкостроение, медицинские технологии.

АШ. Умирают, умирают.

АЧ. Один мой приятель, владелец крупной косметической компании, пять лет пытался договориться с итальянцами по станкам. После чего, не сумев договориться с ними, поехал в Южную Корею, и там южнокорейцы сделали ему эти станки за 8 месяцев. За сумму примерно в три раза меньше, чем был предмет торга с итальянцами. И сейчас те же самые итальянцы те же самые станки продают даром.

СУ. Это вопрос сбытовой стратегии. Технологией владеют.

АШ. Нет, уже не владеют.

СУ. Инженерная школа [есть].

АШ. Есть у меня хороший товарищ, который в свое время, по сути, спас одну из инженерных отраслей на территории России, перетаскивал их, все эти годы. И он вспоминал: мы приезжаем в Европу. Мы, говорит, приезжаем, мы знаем, большое крупнейшее предприятие-производитель, оно производит железки, нам нужно их собрать. Мы говорим: нам надо вот это, вот это, вот это, соберите в систему. Они говорят: мы не понимаем. На всем этом предприятии нашелся всего один инженер, который смог читать чертежи, понимая, что мы хотим, как мы хотим это все соединить, настроить.

Система по водоочистке была. Не такая сверхсложная, но необходимая. Мы, говорит, приехали через год. И не было уже ни одного инженера, потому что эта индианка ушла в декретный отпуск. И они говорят: привезите нам чертежи и прочее, мы это сможем произвести. Но мы уже не понимаем, инженерная школа убита. Вот это важно.

У них сейчас есть что-то, а каково будет развитие? Сейчас глобальный мир сыпется. Вы, например, производили установку по бетонированию скважин. Четко знали, коробку передач брали Allison, двигатель Caterpillar, собирали все, вот оно есть, красивое. Тут у вас вдруг — из Америки не приходит, из Японии не приходит. И вы начинаете собирать.

Мы понимаем, что в России мы соберем. Мы возьмем ярославский дизель, танковую коробку передач, покрутим, и оно будет по габаритам, оно будет работать.

АЧ. Я сейчас подобного типа задачи решаю в «Ушкуннике» практически ежедневно.

АШ. Правильно. А в Европе — стоп. У них придет железка чуть-чуть других габаритов, и надо все перепаивать. И — стоп. У них нет инженерной школы. Вот это называется утрата технологий. И такое по всему — адаптировать, развить.

СУ. Я не спорю, что есть тенденции к утрате технологий.

АШ. Это не тенденция, это уже проявлено.

СУ. Мы-то в рамках нашей экономики союзной тоже утратили значительное количество, где-то сохранили.

АШ. В условиях, когда все падают. Важно — не с той скоростью, как падают, а как ты адаптируешься, как ты умеешь упрощать. Ты берешь более сложное, выкидываешь, берешь [что-то] предыдущих поколений, и оно у нас начинает работать.

СУ. А почему там не будет точно так же?

АЧ. Там людей нет соответствующих, понимающих.

АЧ. Кстати, из интересного. Мало кто знает, но сейчас говорят — наша спутниковая группировка.

АШ. Она замечательная.

АЧ. А знаете, какое там самое интересное было решение? Сейчас не бог весть какая военная тайна, можно сказать. Очень просто. Взяли и перешли с новейших ракет, разработанных в постсоветский период, на добрые старые «Протоны», которые делались еще в 70-е годы. Просто откатали технологию на цикл назад.

Да, эти ракеты во многом старые, хуже, по многим показателям, но они в разы дешевле. Их производство давным-давно освоено. Их можно делать сотнями и запускать их можно не обязательно с Байконура.

АШ. Вам шашечки или ехать?

СУ. Это потому же, почему и УАЗик «Буханка» до сих пор производится и будет производиться. А что мешает немцам? А почему они не могут откатить на 90-е годы?

ИК. Конечно, мерседесы в 80-е были хорошие.

АШ. Это мы еще IT-сектор не вспоминаем. Где просто те, кто делал базовые библиотеки, ушли из жизни.

СУ. У меня логически в голове не укладывается. Мы говорим о том, что Европа разрослась и

стала Евроатлантикой.

АЧ. Давай я проще объясню. Наша с тобой проблема, как правильно нам Андрей говорит, мы узко смотрим. Главная причина деградации европейских инженерных школ – это катастрофическая утечка мозгов этих самых инженеров физически в направлении на запад и в направлении на юго-восток.

АШ. На тот свет утечка, в силу возраста. Новые поколения не способны так мыслить.

АЧ. Те новые поколения, которые были и которые могли и должны были их заместить, вместо того чтобы стоять рядом со старшими и так далее, они прямо с вузов получали выгодные предложения в новых индустриальных центрах.

АШ. Поколение ЕГЭ, болонская система и качество их таково стало, что даже лучшие из них — ты иногда смотришь и понимаешь: блин, сколько я буду тебя учить базовым вещам, чтобы ты, по крайней мере, начал хотя бы думать. Не профессии, не навыкам, а думать, гад, начни.

СУ. Так, коллеги, мы попали в такую же ловушку.

АШ. Мы идем с отставанием на десятилетие, мы не успели нырнуть, они уже на дне.

СУ. У нас тоже с кем из производителей ни поговоришь — либо совсем старики, либо молодежь.

АЧ. У нас та же болонка.

СУ. Но что стало для нас триггером, чтобы эту ситуацию развернуть?

АЧ. СВО.

СУ. СВО, да. Так они поэтому и милитаризуют, им для этого и нужна война.

АШ. Семен, ты был на военных производствах в Европе и в России?

СУ. В России бывал.

АЧ. Я не был в Европе.

АШ. Я был в Европе еще когда это в нулевые, в десятые годы было можно, поскольку тогда были попытки что-то приобрести. Как выглядит военный завод у нас? Заходишь в цех — что-то большое, громадное. Ряд современных станков, работают люди. ЧПУ, современные. Идешь дальше — следующий ряд. Стоит ряд станков похуже, более старые, но работают люди. Идешь дальше...

АЧ. Советские. 30-х годов, 50-х годов. Люди работают.

АШ. Половина, да, люди работают. Идешь дальше — стоят станки, обернутые целлофаном, законсервированные. Идешь дальше.

АЧ. Аж царского времени стоят.

АШ. И еще 2-3 цеха законсервированы. Причем, если до СВО там действительно были проблемы, не было молодежи, в СВО они пошли, вакансии все были забиты, сначала пошла волна из серии «мы не хотим быть мобилизованными», потом поняли. Ты приходишь на завод,

райцентр называть не буду. Какая у вас зарплата? Не называют. Я говорю, погодите, это как? Ну, 150 тысяч, говорит молодой человек. Райцентр, военный завод. Пожалуйста. Побольше [город] — больше будет [зарплата].

И, когда вы начинаете говорить, куда пойти, я говорю: ребята, сейчас идете в институт, учитесь, год-два на завод, второе образование, дальше у тебя карьера, начал от станка. Не в офис прись, поработай руками, посмотри, как это все интересно, как это живет.

Меня как корпоративного стратега выбешивала ситуация. Я прихожу и говорю: так, ребята, мне нужно ближайшую первую неделю на эти предприятия, производства поездить. Говорят: зачем? Мы тут уже не работаем несколько лет, мы не ездили. Я говорю: вы что, охренели? Вы не видите, как это делается. Мне нужно взять схему производства, я пойду с хвоста по всем станкам, по всем этапам, прописывая, где какие проблемы, мне вот лекцию открыть, я чтобы понимал, как это все, я чувствовать должен, что можно, что нельзя, там инвестиции нужно делать или нет, все это надо понимать. Российский завод, он такой.

Как выглядит завод в Европе?

АЧ. Вот это очень интересно.

АШ. Один небольшой цех, где воткнуто все. В него приезжают блоки, скручивают, собирают и выдают следующий этап на следующую переработку. И везутся куда-нибудь на десятки, сотни километров. Территорий для хранения нету. И все по периметру забора застроено домами, складами, железной дорогой. То есть расширить нельзя. Ты не можешь увеличить, процентов на 20 увеличить у тебя уже проблема, ты не знаешь, можешь ли ты во вторую смену, ты не умеешь вообще эту вторую смену запускать.

Людей нет, возможностей нет. У тебя все дико оптимизировано. Ты десятилетиями оптимизировал, у тебя каждый метр на этом предприятии оптимизирован. Когда начинают говорить, мы сейчас запустим, увеличим в несколько раз, я говорю: три раза ха.

ИК. Но при этом они, кстати, достаточно уверенно готовятся к войне с нами.

АШ. Они говорят все, что угодно. У вас язык есть, и вы говорите, что можете. Кто вам мешает?

Rheinmetall, лидер западного европейского милитаризма. Откройте их годовые отчеты по финансам. Посмотрите. Там все открыто. Там нет номиналей, но есть финансы. Берем уровень 2019 года, накладываем инфляцию в промышленности, процентов 40 будет, и смотрим текущий год. Добавляем туда рост рентабельности, прибыли.

Они же не производят, они контрактуют на годы вперед, у них капитализация ползет, у них портфель заказов увеличен. И у вас получится, что за все это время они выросли на 15% по объему. Причем мы еще не знаем, что выросло. Да, мы можем слушать разговоры выступающих чудиков, что они миллионы снарядов выдали. Ребят, нет. Все, что у вас есть... Вот американцы что-то произвели, сделали. А они раскатать не могут. У них производственный процесс, и на каждом этапе стоит заглушка, ограничение.

Когда начальство говорит: мы сейчас автомобильные заводы направим на выпуск танков, я говорю: ребят, у вас крановое хозяйство там какое? Вы эти дуры поднимать как будете? У вас в зданиях кранов нет этих. Вы их домкратами будете поднимать? Как вы танковый корпус потащите? Это невозможно перестраивать.

ИК. Сейчас уже не танки, сейчас они беспилотие развивают.

АШ. Сборка из запчастей, большая часть которых еще из Китая пришедшая. Ну, собрать можно. Кстати, к разговору о союзнике Китае — кому мы будем помогать. Как они нам. Для понимания. Сборка — пожалуйста. Это где угодно, как угодно. Для этого не нужно... Но, друзья, начинаются проблемы с логистикой, с доставкой, какие-то политические моменты.

АЧ. Я, кстати, должен здесь защитить наших китайских товарищей. Китайские товарищи, я имею в виду не бизнес, а именно политическое руководство занимается тем, что последовательно закрывает краны для экспорта разной комплектухи для беспилотников. Впервые, непосредственно на Украину, куда уже вообще нельзя.

АШ. Ну конечно.

АЧ. Но даже европейские производства, которые работают на Украину, работают не напрямую с Китаем, а через третьи страны. Закупает какой-нибудь Дубай, дальше из Дубая это едет куда-нибудь в Прагу или в Оставу, дальше в Оставе из этого что-то свинчивается, дальше оно едет куда-то в Жешув, где производится финальная сборка, и только после этого оно попадает на Украину. Примерно так. Это, что называется, с полей.

АШ. Но это сборка.

АЧ. Ну, конечно.

АШ. Это сборка. Это не производство в чистом виде. Оно рушится, ломается.

ИК. Андрей, когда все начнет рушиться — я имею в виду Европейский союз, сейчас там уже достаточно много всяких разногласий, противоречий между государствами разными и Брюсселем — я предполагаю, что все-таки многие с тонущего корабля побегут. Что дальше будет на осколках этого всего, когда эти процессы уже необратимый характер примут?

АШ. Для того чтобы побежать, для того чтобы сделать резкие движения, нужно обладать субъектностью.

ИК. А есть ли она?

АШ. Беда в том, что у европейских народов и стран ее не осталось.

ИК. А у Брюсселя?

АШ. А у Брюсселя сейчас ситуация следующая. Они будут пытаться сохранить единство. Единство им можно сохранить только через диктатуру. Только через жесткую централизацию, жесткую мобилизацию. А это непросто. Для этого нужен враг. Нужен повод закручивать гайки.

ИК. Но он как бы есть у них.

АШ. Это не повод. Для обычного обывателя нет. Обычного обывателя нужно очень сильно напугать. Что может сейчас напугать обычного обывателя? Война.

ИК. Ну, да. Этот нарратив раскачивают.

АШ. Соответственно, им нужны не просто слова, им нужно что-то страшное, чтобы никто не дергался, когда уровень жизни упадет раза в два-три, жестко.

АЧ. Кстати, тенденция есть.

АШ. Есть.

Когда мы говорим о геостратегии, это стратегирование за других в позиции if I were you, «если бы я был вами». Наблюдая то, что в Европе, единственное, что они могут попытаться сделать более-менее из всех вариантов, самый сильный вариант, это идиотская атака на Россию, Калининград, нападение, наш жесткий ответ. А дальше мы понимаем, что, собственно говоря, бобик сдох, что с этим всем делать. Мы не добиваем, не ползем, поскольку у нас нет планов сейчас заводить туда войска, чего-то делать.

А они начинают внутри себя раскачивать, мобилизовывать, собирать это военное положение, жесткие условия – «мы сейчас всех порвем, держите меня семеро». Рассказывая, что их армия уже стала первой, что они готовятся, отражают героические удары. Россия уже ушла, Россия уже забыла об этом всем. А они продолжают воевать.

АЧ. Я выражу скепсис следующий, что все это возможно.

АШ. Это самый сильный вариант для Европы, чтобы хоть как-то сплотиться.

АЧ. Нет, с нашей стороны. Все это возможно при условии, если мы чуть другие. Мы нынешние на это не очень способны, просто потому что нет сейчас такой военно-полицейской машины у российского государства, которая была бы способна — даже не военного характера задачи, военного характера задачи, надо сказать, на СВО в общем и в целом мы [решаем]. Правда, сейчас это уже не мы говорим, сейчас Эрик Шмидт это говорит. Мы сильнее стали и продолжаем становиться. В чисто военном отношении, по технологиям, по всему.

А вот с точки зрения условно-политического и полицейского контроля территории такой машины не создано.

АШ. Каков сейчас уровень краж, криминала и прочего в городах российских?

АЧ. Один из самых низких в мире.

ИК. Ну да.

АШ. Почему?

ИК. Потому что камеры висят.

АШ. Аллилуйя.

АЧ. Тоже верно.

АШ. Современные технологии.

ИК. Давайте чуть-чуть назад откатим. Я правильно понимаю, Европа будет нас провоцировать на что-то подобное, чтобы сплотиться?

АШ. Европе надо выжить. Для выживания все остальные варианты были слабые. Она может не провоцировать, но тогда она будет умирать быстрее и без музыки. Тогда процессы пойдут быстрее. Тогда у них ситуация будет переходить в уровень катастрофы, распада без каких-то шансов. Им нужно как-то объединиться.

ИК. Я почему именно топчусь на этом сценарии, потому что если брать сегодняшний день, то

мы очень часто видим заявления и раскачивание этой ситуации в сторону того, что вот-вот война с Россией, надо готовиться, надо готовиться.

АШ. Им нужен форс-мажор. Им нужен форс-мажор для отмены всех государственных, гражданских и прочих прав, для пересмотра всех договоренностей.

АЧ. Самое главное — задавить свою внутреннюю оппозицию, потому что условная АдГ...

АШ. Это центристы.

ИК. Кстати, да. АдГ и всякие подобные силы — не могут ли они в другую сторону?

АЧ. Нет, эти просто не хотят воевать.

ИК. Да, да, да.

АШ. Эти размягчают, мешают собраться, но сделать что-то они не могут. Они могут мешать, но они не делают. Это как в 1917 году.

АЧ. Это инерция.

АШ. Не та партия, которая возьмет на себя власть. Это не «есть такая партия». Сколько было эсеров?

ИК. Нам-то это на руку.

АШ. Нам, конечно, на руку.

АЧ. Это «Баба-яга против».

ИК. Нам-то на руку.

АЧ. И Марин Ле Пен — это «Баба-яга против».

АШ. Но они центристы, они даже не консерваторы. Просто посмотрите, какие у них программы. Это обычные центристы, у которых хоть что-то осталось. Остальные все либералы и ультралибералы.

ИК. Еще один момент, которого мы касались и который, как мне кажется, важно и интересно обсудить, это все-таки политическая элита Европы.

АЧ. Почему она так стремительно выродилась?

ИК. Да.

АЧ. Мы еще помним титанов, на нашей памяти, лично.

ИК. Где сейчас — де Голль, уровень, Черчилль.

АЧ. Де Голля я не застал с Черчиллем. А Ширака видел как тебя.

ИК. Я тоже был на этом саммите. Путин, Ширак, Шрёдер. Я его снимал.

АЧ. Да. А Берлускони, так он вообще тут был как родной.

ИК. Почему современная система политическая воспроизводит такой тип политиков в Европе?

АШ. Как помните, англосаксонская элита — горизонтальная и ограниченная. И наднациональная мировая элита сформировалась из этих ребят.

Что происходит, когда есть элитарии, есть люди серьезные, которые занимаются делами. Делают деньги, занимаются геополитикой, чем-то торгуют. А есть люди, которые вроде бы и не рантье, не выгонишь, но которых надо чем-то занять. Куда их отправляют? На гуманитарку, на общественные вопросы, на культуру.

АЧ. Экологию, да.

АШ. И черт знает куда. В какой-то момент времени тренды поменялись. И вдруг выяснилось, что это все нужно как-то делать идеологически. А у вас в этой элите все первые среди равных — отбитые на голову экологи, содомиты и прочие представители экстремистских запрещенных в России организаций. Там есть адекватные люди. Элиты в той же Европе, они адекватные, но они занимались деньгами, они делали все это.

Классический пример. Вот приходят финансисты, начинают рассказывать, что делать. Я смотрю на них и говорю: ребята, вы чего несете? Но я понимаю, что мне доказать, как стратегу, например, что они несут фигню, нужно сколько-то времени потратить на наработку репутации, заняться этим, переключиться, на себя кучу этих функций затащить и начать это все объяснять. Вот у европейских элит то же самое.

У них все те чудики, которых не знали куда приткнуть, со своими проблемами, извращенцы и прочие, полностью оккупировали всю гуманитарную повестку, всю общественную повестку.

АЧ. Сели во всех парламентах.

АШ. Подобрали под себя таких же исполнителей, и вы понимаете, что вся экспертиза — их, все институты — их, и вам, чтобы это все зачистить, нужно их нахрен разогнать и взять это все на себя. Но вы для всей остальной элиты в этом не авторитет.

И вот мы и наблюдали, когда извращенцы, повернутые на культе оргазма, культе зеленых всех этих культур, оказались ответственны за всю гуманитарную повестку. И когда стал вопрос, куда дальше строим, а вариантов нет, вот оно все. И вот они настроили.

Мы ровно такое, кстати, наблюдали на Украине, когда все серьезные люди в Донецке, Днепропетровске занимались делами, деньгами. А этих идиотов непонятных отправили на образование, в культуру, в гуманитарку. И потом они повылазили. Один в один.

СУ. Они потом подготовили тех, кто воевать с Россией готов.

АШ. Правильно. Потому что серьезные люди занимались деньгами. С Лазаренко возьмите всю историю. Они все деньги делали.

СУ. Так они функцию свою выполнили. Они подготовили поколение. Так значит, они в Европе то же самое сделают.

АШ. Так на Украине была хоть какая-то энергия пассионарности. В Европе ее нету. В Европе настолько выхолощенное поколение, рафинированное. Там уровень тестостерона у 20-летних на уровне 60-летних. Они жили в плюшевых условиях. Они не проходили через стрессы. Вот в чем беда.

СУ. Так вот им стресс готовят.

АШ. Если у вас хомяки, как вы их ни загоняйте в угол, они в крыс уже не превратятся. Вы их воспитали хомяками.

Загнанный в угол хомяк не становится крысой.

СУ. Если мы говорим про стратегию, то это через поколение.

АШ. Так кто ж даст поколение? У них сейчас начинается энергетический кризис с заворачиванием. Ресурсов для выживания нет. У них нет производительных сил. У них нет технологий. Нет людей. Рождаемость минимальная. Производство, экономика разрушена, военных нет, элиты выродились, там зацепиться не за что. Мне как стратегу, когда я пытаюсь стратегировать за Европу, банально не за что зацепиться.

АЧ. Я бы, кстати, думая за них, действительно всеми силами, ударно, любыми способами загонял бы туда толпы мигрантов. Отовсюду. Собственно, что они и делают.

АШ. Беда в том, что мы путаем пассионарность и хамство, энергичность не продуктивную, а разрушительную. Эти мигранты не способны создавать.

АЧ. Ну да, они воевать не способны, они работать не способны, они много на что не способны.

АШ. Вы убираете инженеров и набираете чернорабочих.

АЧ. Но они способны влить свежую кровь.

АШ. Нету этой свежей крови. Вот несколько поколений, Франция. Этот эксперимент не сейчас сделан.

В свое время, после Октябрьской революции, Первой мировой войны, большая волна русских мигрантов поехала и осела во Франции. И Франция стояла перед выбором, кто для них больше наш, белые русские европейцы или франкоговорящие жители колоний. Кого выбрали французы тогда? Вторых. Вот с тех пор это и идет.

Это глупость, непонимание сложности этническо-этнокультурных особенностей. Что помещенный в языковую среду человек не принимает всей культуры. Они искренне думали, что достаточно будет культуры, посмотреть, как это здорово, и они станут французами, только другого цвета кожи. Но станут. Они не стали. Вот в чем была беда.

Европа сделала ровно то же самое. Они набрали людей, которые не интегрируются, не ассимилируются, которые приезжают жить не вместе, а вместо. И оставаться собой. Вот этих людей они и запустили, они запустили мигрантов. Они искренне думали, что в этой среде, более сложной среде, они переборют. Беда в том, что если вы заселили люмпенов в дом высокой культуры...

АЧ. Быта.

АШ. Да. У вас тут же начинаются загаженные подъезды, подожженные кнопки.

АЧ. Дальше все по профессору Преображенскому.

АШ. Абсолютно.

АЧ. Сначала начали петь, потом в кранах пропала вода, потом кончилось электричество.

АШ. Есть шикарный пример, стрессовый эксперимент, называется Южная Африка. Население бантустанов пришло племенами жить в городах белых людей. И что с этим стало?

ИК. Хорошо, Андрей, еще один момент. Восточная часть Европы, страны Восточной Европы.

АШ. Давайте так, как будет Европа распадаться? Как это все будет происходить в процессе? Удержать либеральные ультра- долго не получится? Несколько лет можно. Дальше, собственно говоря, у вас фундамент рушится, основы, базы нет, куча деструктивных процессов, и это начинает распадаться. И центр уже не способен, как бы он ни пытался удержать, и Европа начинает делиться на некоторые территории.

ИК. Маленькие блоки, да?

АШ. Не обязательно. Западная Европа в дикие земли уходит просто, потому что там собрать не получится. Там распад будет идти жесткий с разделением населения. Там, где Франция, Западная Германия, там [ворох] кусков, анклавов, непонятно как живущих, с диким падением уровня жизни.

У Южной Европы есть шанс. Условно, новая католическая лига, поскольку там есть два фактора, которые на это могут сыграть. Португалия, Испания, Италия, плюс отдельные территории. Франция может быть затянута.

АЧ. Кстати, Греция, которая хоть и православная...

АШ. Нет, с Грецией будет другая... Греция как раз будет к Восточной Европе и Балканам. Там будем развлекаться мы.

На этой территории есть два фактора, которые могут на это сыграть. Первый – это Ватикан, который может вспомнить, что он не только геополитический игрок, банкир, но он еще и центр духовности. А второе — это латиносы, которых можно собрать несколько сот тысяч боевиков, привезти возрождать родину. Они не считаются латиносами, они считаются потомками испанцев. На самом деле, если мы начинаем смотреть по крови в Латинской Америке... Я смотрел по пропорциям, генетические исследования разных стран сводил в среднюю, у меня получилось, что доля европейских корней у Латинской Америки в целом — 80%. 10% индейцы, 10% негры. Даже те негры, которые в Бразилии считаются неграми — где-то 50% европейской крови. По генетике.

Там отношение именно чисто психологическое. Вот их убедить, что они едут спасать историческую родину и прочее, прочее. И это два фактора.

АЧ. Предыдущий папа так поехал из Аргентины.

АШ. И это можно. Это фактор, которым можно вытащить что-то.

Дальше есть территории, которые могут попытаться еще пограбить англичане. Бенилюкс, Скандинавия, где вся эта мигрантская...

АЧ. Кстати, Скандинавия сейчас в первых рядах, заметьте.

АШ. Там английский язык стал уже [более] 90% владения. Плюс, если мы возьмем Норвегию, Швецию, то мигрантов там 25%. Берем по молодежи.

АЧ. Капец, да.

АШ. Арктика.

Дальше остается Восточная Европа. Вот если бы не было России, она бы собиралась вокруг, грубо говоря, австро-венгерского ядра, попытки этого собирания. Но при наличии фактора России там появится два союза европейских. Восточно-европейский союз и Балканский союз. Официально они будут союзами. У нас они по документам будут проходить как Восточно-Европейское генерал-губернаторство и Балканское генерал-губернаторство. Каждому начальнику будет прислан свой АПСник, административно-прикомандированный сотрудник в соответствующем звании.

ИК. А какие страны войдут в этот блок?

АШ. Балканы. Вокруг Сербии будем собирать, наводить порядок, вплоть до Греции. Плюс под распад Турция пойдет, и Измир, и Константинополь туда же.

АЧ. Да, а Восточная Европа вокруг Польши.

АШ. Нет, вокруг Венгрии. Ни один адекватный человек... Вокруг Польши собирать нельзя ничего. Польша отдельным «Баба-яга против», которое будет формально входить в экономические союзы, в политические нет, ее — вот туда и не трогать. Если бы не было географии, если бы не нужно было восточную Германию забрать, можно вообще было бы не трогать.

АЧ. У Польши есть какая-никакая промышленность. У Польши есть неплохое сельское хозяйство. У Польши есть вполне пассионарное население. У Польши нет мигрантов в количестве, кроме хохлов.

ИК. Которых они гоняют.

АЧ. Да, которых они там гоняют тряпками плохо пахнущими.

АШ. Но вокруг Польши собирать все это — у нас в свое время императоры допустили такие ошибки, спасибо. Дальше...

АЧ.

Южная Польша — одно из красивейших мест Российской империи,

как учит нас классика.

АШ. Правильно, плюс мы можем вспомнить, что, например, в Люблинской губернии была Хомская епархия, которая последней была переведена из греко-католиков в православие, это тоже надо сделать. По поводу галичанцев мы понимаем, что в этой конфигурации все остатки Украины тоже оказываются в нашей зоне влияния. И тут будет вопрос, что со всем этим делать.

АЧ. Если в этой логике, Польшу надо просто отдать хохлам.

АШ. Нет, нет, нет. Там на самом деле все делается проще. С Украиной что у нас? Есть области, которые непосредственно по итогам СВО войдут в состав России.

АЧ. Да.

АШ. У нас есть области, которые будут буферными, демилитаризованными, где не может появиться ни один чудик из Киева вооруженный, где вся полиция, прокуратура и прочее из местных. Мы понимаем, что это будет из местных. Это будут местные из ополченцев и АПСники. В общем, это будет та же самая система, которая была в ЛДНР. От Чернигова и — туда эти области собираются воедино.

И дальше, собственно говоря, буферная территория, которая в условиях ужаса, который будет в Малороссии, [люди] через какое-то время вдруг поймут, что они русские и хотят присоединиться.

СУ. Это гетманщина новая, грубо говоря. Правобережье.

АШ. Дальше начинаем строить нормальную связанность, только в нашу сторону, рушим связанность с Малороссией. Дальше возникает вопрос Одесской области, Приднестровья и Молдавии. Плюс еще небольшой территории. Эта территория — да, конечно, можно их делить, но по-хорошему территориально это один блок, одна территория.

АЧ. Да, да, конечно. Один макрорегион такой.

АШ. Регионы. Бессарабия. Собираем воедино — Молдавско-Русинская конфедерация. Я это все прописывал еще до СВО, просто был вариант, что мы это мирно [проведем]. Если бы Трамп второй срок был у власти, это бы произошло тихо, мирно. Но, как говорится, они выбрали другой путь.

Бессарабия. У нас остается Малороссия, живет сама по себе. Демилитаризация, денацификация, приходите в себя. Остается Западенщина. А там все просто, ребят. Вот тут нам нужно будет договариваться с Ватиканом. О разрыве унии. Условно говоря, местное население должно определиться, кто они. Православные русины или субэтнос католиков-поляков.

АЧ. Кстати, хороший ход.

СУ. В смысле – договариваться? В последний раз решил вопрос с унией товарищ Сталин.

АШ. И она потом проросла, именно потому что она была односторонне разорвана.

СУ. Никто договариваться не будет. Не для того ее придумывали.

АШ. Нам есть о чем говорить с Ватиканом. У нас есть для них интересы. В конце концов, Южную Европу создавать они будут не просто так. Там есть свои особенности, о чем можно договариваться.

АЧ. Возможно, без российских энергоресурсов они ничего не смогут сделать.

СУ. В чем смысл разрушать специально созданный инструмент?

АШ. Потому что он отжил. Он отжил свое время. Это то, что ложится на стол, и то, что, собственно говоря, надо сдавать. Эпоха поменялась.

СУ. С чего? Ну, работал инструмент. Довел до войны.

АШ. Потому что у нас будет что, о чем говорить с Ватиканом. Без нашего желания и поддержки никакой южноевропейской тоже не будет. Заблокировать мы это сможем. Напакостить и прочее. Надо договариваться.

СУ. Это надо отдельно разбирать. Я на уровне тезиса принимаю, но его нужно разобрать.

АЧ. Идея интересная, в значительной части католического мира она найдет поддержку, что надо из этих не пойми кого делать нормальных католиков.

АШ. Когда мы говорим о будущем, мы немножко его программируем, мы его задаем. Но не в том смысле, что мы занимаемся пропагандой и агитируем: покупайте нашу пофигень и она самая лучшая, самая классная идея.

Нет. Мы говорим: ребята, есть такое будущее и оно может прорасти. Вот это локус будущего, зерно будущего.

АЧ. [Образ будущего.](#)

АШ. Даже Владимир Владимирович уже несколько раз говорил, куда надо идти с образами будущего, идеологией и прочим бредом, который к нему периодически приносят. Причем до смешного. На каких-нибудь светских раутах подходят, говорят: «Давайте сейчас все вместе объединимся, нарисуем образ будущего и пойдем к Владимиру Владимировичу, ему расскажем». Я говорю: «Ребят, без меня». «Почему? Вы не хотите в элиту?» Я говорю: «Не хочу». «Ну это же так здорово!» Я говорю: «Не-не-не. Вы уже готовитесь, по вам я вижу, по вашим гениальным идеям, что вы готовитесь говорить с вечностью. А мне потом десятилетия объяснять, что я вошел не в ту дверь с этими мальчиками и девочками. Поэтому идите лесом со своими образами будущего и идеологиями».

Это другая история. Локус будущего – это тот вариант, который виден. Когда энное количество лет назад один наш общий знакомый первый раз услышал по поводу «мы настоящая Европа, а не эти вырожденцы», он – вот так смотрел. Но в какое-то время он сказал: да, здорово. И в следующих интервью это уже было. И это стало прорасти.

И таких моментов было много. Начиная от того, что объяснение, что союз с Китаем под названием «новая Орда» — это ментальная геополитическая, геостратегическая ловушка для России в интересах Китая и тюркского мира. И это тоже проросло. Таких идей на самом деле было вброшено много. Это разделение — это один из локусов будущего, один из вариантов будущего, подсвеченный. Не созданный, а подсвеченный. И если он прорастет, это будет здорово.

ИК. Окей. Братцы, давайте финалиться. Я на финал хотел бы лично для себя понять, мы вообще до всего до этого доживем или нет? Я имею в виду, в биологическом плане. То есть, это перспектива какого порядка?

АШ. 5-7 лет. Ближайшие. Объясню. Когда в свое время еще, до начала СВО, я читал лекцию кадровому резерву одного из соответствующих управлений, они слушали, они видели логику, они понимали. Говорили: «Да, здорово. Распад, войны и прочее – это когда начнется? 15, 20 лет?» Я говорю: бог с вами, в любой момент.

ИК. Окей. Семен.

СУ. Ой, не добрались мы, поэтому у меня будет скорее не финал, а... Давайте так. Я узнал для себя много нового в плане локуса будущего, то есть куда смотреть. Как «прожектор перестройки», это «прожектор будущего».

АШ. Главное, не «Перисхилтон».

АЧ. «Перисхилтон» ни при чем, это буквально «прожектор перестройки».

СУ. Я и говорю, это прям «прожектор перестройки», переустройства.

АЧ. Да, да, да.

СУ. Я понял, куда буду смотреть, тем более я читатель книг Андрея. Я сопоставляю с тем, что читаю. Я не согласился с тезисом, что это конец Европы, меня все эти аргументы [убеждают в том], что это ее провинциализация. В рамках большой европейской цивилизации она действительно становится все больше и больше провинцией. Мы помним, что в Риме козлы бегали в средние века, это была нормальная история.

ИК. В Риме козлы и сейчас бегают.

СУ. Они теперь заседают там. И то, что ее гонят на войну с нами, это как раз подтверждение тезиса, что они таким образом хотят вернуть пассионарность. И технологии сделать более адекватные, потому что война всегда делает их более адекватными современности.

Но для меня остался главный открытый вопрос. Есть много о чем подумать, есть какие прожектора наблюдать. Я вначале говорил, что профдеформация постсоветского пространства. Я прям чувствую, что это нужно будет на следующую беседу. Нужно класть нам на — геостратег же, Андрей — именно на *гео* уложить.

АЧ. На карту.

СУ. Да, прям на карту.

АЧ. Да. Почему у латышей есть свое государство, а у талышей нет?

СУ. Да.

ИК. Андрей, добавьте? Я еще такой момент для себя отметил. По-моему, последние лет 300 мы слишком много думали о Европе. Вы в начале нашего сегодняшнего подкаста сказали, что у нас мышление европоцентричное. Мы от него избавляемся уже? Как думаете?

АШ. Я избавляюсь очень активно, а вы каждый для себя решите. Когда вы начнете делать примеры геополитические и прочие не из Европы, а дергая изо всей истории мира, когда это станет естественным, когда перестанете воспринимать, это хорошо. Когда общественные законы, термины перестанут быть чисто европейскими, когда придет понимание, например, что вопросы духовные и общественные нельзя жестко делить, а они пересекаются, когда, читая «Несвятые святы» владыки Тихона, вы будете чувствовать этот мир вокруг себя, где этот синкретизм мира, неразделенное единство — вот тогда, значит, мы ушли от последних столетий европейской общественной мысли.

ИК. Всем на заметку. Алексей.

АЧ. Для меня первым важным откровением этого разговора была, конечно, метафора

Византии. Причем именно, как ни странно, применительно к сегодняшним Штатам. Как процесс переноса центра тяжести некоторого цивилизационного единства. Причем достаточно удаленное географически.

ИК. За океан.

АЧ. Тогда — за море, а сейчас — за океан.

Одно из важных искажений того исторического знания, которое мы получали в школе, это чудовищно малое количество знаний именно о Византии. Само название Византия, придуманное специально для того, чтобы скрыть другое название, самоназвание, Βασιλεία Ῥωμανών. И для нас Византия — это такое, какая-то там София, духовность, какая-то эстетика специфическая.

А как ни странно, даже Запад...

АШ. Венецианцы, на самом деле, это те же самые византийцы, только без духовности.

АЧ. Но и византийские... Ведь не случайно у Люттвака столько книжек.

АШ. Лукавые греки...

АЧ. О, да, лукавые греки.

И, конечно, очень интересно замечание Ивана Грозного в переписке с Курбским о том, что именно было ошибочно и неправильно в византийской политической архитектуре и почему, собственно говоря, второй Рим рухнул. Он же именно этим обосновывал свои решения, связанные с элитой. В его логике Византию сгубила элита, которая слишком много себе позволяла в сравнении с центром власти, с имперским центром.

Именно этим он оправдывал и свои решения по боярским родам, и опричнину потом, и Ливонскую войну. То есть всю свою, по сути, политическую программу он оправдывал, исходя из своей рефлексии византийской истории и катастрофы 1453 года, которая на тот момент — хотя уже почти век прошел — еще очень живо стояла перед глазами. А в его случае это была еще и просто семейная [история]. Это его бабушка, последняя византийская принцесса.

СУ. Об этом же, кстати, и гибель Советского Союза.

АЧ. Ну конечно. Поэтому сама идея, что цивилизации не просто бывают, рождаются и умирают, но цивилизации перетекают пространственно откуда-то куда-то, как в свое время перетек Китай из среднего течения рек ближе к океану, кстати, в том числе и на наших глазах. Этот новый Китай — это вообще не тот Китай, который был при Мао, а это возникший на землях, где мало кто жил.

АШ. Южно-китайские диалекты эти все, эти народы. Это не ядро.

АЧ. Да-да-да, это не ядро, это именно периферия того старого китайского мира. Что такое старый Китай? Сиань, Нанкин. Нет, вообще все другое. Все — вот, на берегу.

Короче, первая идея — это то, что цивилизации иногда могут перетекать. Кстати, и в нашей истории так было, как перетекала действительно во Владимиро-Суздальскую землю та восточнославянская — через пень-колоду — цивилизация, возникшая как раз-таки примерно тысячу лет назад.

АШ. Она до этого перетекала из центральной Европы, первые славянские государства перебрались как раз на Приднепровье. Эти имена-то двусоставные, это оттуда.

АЧ. Да, да, да, конечно. Даже в географических названиях, этот непрерывный Переславль или Переяслав, это «переехать славу», то есть перенести откуда-то куда-то. Место силы или место власти перенести откуда-то куда-то. И заметьте, это происходит несколько раз. Самый новейший Переяславль, он у нас – вот, в Ярославской области.

СУ. За лесом.

АЧ. За лесом, да.

АШ. В конце 2030-х годов нам Дальний Восток поднимать и столицу на юг Сибири придется переносить.

АЧ. Типа того. То есть, нам тоже надо думать о том, как нам релоцировать наше имперское ядро, наш имперский центр. Странно, никогда не думал, что это скажу, но, может быть, Кужугетыч-то был не так уж и неправ.

АШ. Он был очень прав. Собственно, как раз тот «Кедровый тракт» перетаскивания — это же заготовка под столицу. И тот газопровод, который сейчас обсуждают, «Сила Сибири-2» или «Сила Байкала», он ни до какого Китая не дойдет в итоге. Он остановится на юге Сибири. Это будет газификация юга Сибири, по сути. Когда мы его дотянем, уже с Китаем не будет таких близких отношений.

АЧ. Да, у нас же все думают, что западные ворота России находятся где-то на западной границе, а на западной границе — никого, там медведи ходят. Западные ворота России называются Шереметьево, Домодедово, Внуково и так далее. Западные ворота России – это Москва с Питером. Причем, я бы сказал, европейские ворота.

Но если гравитация Европы будет так падать в следующие десятилетия, значит и гравитация европейских ворот утрачивает тот смысл, который она имеет сейчас. И по большому счету Москва сейчас на пике, в зените своего развития. Но дальше она неизбежно будет терять — в разных смыслах, и в значении своем экономическом, и в населении, и много в чем.

СУ. Надо брать гектар — где, в Алтайском крае?

АШ. На кой? Нет, в районе Минусинской долины.

АЧ. Минусинская котловина, да. Похоже, что новый цивилизационный центр мы вполне можем двигать, двигать, двигать туда.

СУ. Какой там хороший ликеро-водочный завод в Минусинске!

ИК. Все. Братцы, спасибо большое. Действительно очень интересный, очень долгий разговор у нас получился. Отдельная благодарность, конечно же, как всегда, Андрей, вам. Андрею Школьникову, геостратег у нас сегодня был в гостях. Наши ведущие — Алексей Чадаев, политолог, журналист; Семен Уралов, политолог, журналист, писатель.

И, конечно же, благодарность вам, дорогие наши зрители. Ждем от вас лайк этому выпуску. Мы, как обычно, по четвергам с вами. «Чистоту понимания» можно найти в ВК, в Рутубе, в Ютубе. Спасибо вам и до встречи.

**В подкасте упоминаются слова, относящиеся к движению ЛГБТ, запрещенному в РФ, деятельность организации признана экстремистской.*

Предупреждаем: чрезмерное употребление алкоголя вредит Вашему здоровью.

[Словарь когнитивных войн](#)

[Телеграм-канал Семена Уралова](#)

[КВойны и весь архив Уралова](#)

[Группа в ВКонтакте. КВойны. Семён Уралов и команда](#)

[Бот-измеритель КВойны](#)

[Правда Григория Кваснюка](#)